

✓ Виктория Бородинова

ZOMBИ-VRN

БЛОК 1

ЗОМБИ-VRN

Автор: Виктория Бородинова

Содержание

Глава 1. Друзья – стр. 3

Глава 2. Лилит и Сандалф – стр. 14

Глава 3. Безысходность на Менделеева – стр. 23

Глава 4. Блондинка – стр. 33

Глава 5. Потерявшиеся – стр. 48

Глава 6. Зоя Леонидовна - одинокая женщина – стр. 58

Глава 7. ТОД – стр. 67

Страничка автора <http://www.newday-vrn.narod.ru/index.html>

Друзья

- Лето совсем закончилось, даже бабье прошло... - загадочно и даже немного грустно сказал Леха.

- А может, в Турцию на недельку махнем? А? Сейчас самолеты прям из VRN летают – сел и через четыре часа уже на курорте! – после небольшой паузы с надеждой в голосе предложил Михась.

- Какая Турция?! В этом же семестре сопромат! Старшекурсники рассказывали: пропустишь хоть одну лекцию – никогда не сдашь потом, Вернавский и Линза тебя быстро до армии доведут! – искренне возмутился Андрон.

- Да-а-а, Строяк нельзя пропускать... - поддержал его Леха.

- Если даже и найдем бабки – лучше деньги на сессию уже начинать копить. Они не помешают. Когда все с огромными глазами только начнут бегать – мы себе большую часть зачетов проставим... Да и тащиться куда-то, зачем это нужно? Какая-то Турция... вон мне брателло рассказывал – есть отличная турбаза на левом берегу, раньше это был детский пионерский лагерь «Земляничная поляна», а сейчас там за копейки можно отдохнуть, пока сезон не закончился. И пруд, и лес. За небольшую помощь грузчиками на кухне еще и кормить будут на халяву! – предложил свой вариант Лысый.

- А что? Мне нравится! Возьмем Таньку и Длинную, да и махнем на этих выходных! – довольный согласился Леха.

- А не там ли находится новый туберкулезный диспансер? – спросил Леха.

- Не ссы! Не заразишься! Мой братан там тыщу раз был! – Лысый быстро успокоил его.

- Ну что мы тут стоим перед этим ненавистным Кирпичным? Пока большой перерыв перекусим в «Зеленом питоне», может, пивка немного хлебнем. Если останется время, сбегает к девчонкам в третью общагу – возьмем лекции переписать... - произнес Михась, по его лицу было видно, что он слегка обиделся на не согласившихся ехать с ним в Турцию приятелей.

Четверо друзей третьекурсников отошли от полупившегося желтоватого с белыми колоннами фасада архитектурно-строительного университета и быстро перешли дорогу на красный свет. Ловко уворачиваясь от притормаживающих и обозленных водителей и зашли в крохотный замызганный PUB, в шутку прозванный студентами Строяка – девятым корпусом ВГАСУ.

Лысый – высокий худой коротко стриженный парень заказал пиво с подсохшими заветревшимися бутербродами, пока одnogруппники занимали стол и рассаживались по скрипучим откровенно не новым деревянным стульям.

- Опять стол жирный... - пробормотал себе под нос вечно чем-то раздраженный Леха.

- Так что там в твоей «Земляничной поляне»? Говоришь, номера есть с кроватями и столами? – заинтересованно спросил Андрон.

- Номер... Целый домик можно снять, как раз на шестерых, как нам и нужно! – объяснил подошедший Лысый и сел с характерным скрипом на свободный стул.

- Молодцы, нашли нам курорт! – воскликнул Андрей и в шутку потрепал не слишком длинные курчавые волосы Михася.

- А как мы туда доберемся? – вовремя задал важный вопрос Михася.

- Так возьмем у моего брательника его зеленую копейку и доедем! Доверенность у меня есть, - ответил Лысый.

- Вшестером залезем что ли?

- Мы в эту тарантайку еще не таким количеством залазили! Номер у нее смешной – 911, брат по знакомству достал... – заверил всех Лысый и закончил разговор на эту тему.

- Парни приглашают нас на какую-то базу отдыха неподалеку от VRN, - сразу же, как только дозвонилась на мобильный Насти, выпалила Таня.

- Новую хрень придумали... Ты поедешь? У тебя же парень появился – будет ревновать, - не совсем позитивно Длинная приняла эту новость.

- Не будет! Я с Сергеем встречаюсь только месяц, а с Лысым, Михой, Андреем и Лехой мы дружим с самого поступления. Обещали в пять в пятницу после универа заехать за мной... потом сразу за тобой. ОК? – рассмеялась невысокая темно-русая и так не похожая на длинноволосую светлую Настю Таня.

Друзья, как и договаривались, встретились вечером в пять. Сначала заехали в Политехнический переулок Коминтерновского района за еле успевшей собраться и запасть кое-какой едой и теплой одеждой Танькой, а затем на набережную Авиастроителей и за Длинной.

- Зачем тебе эта арматура на крыше?! – по неизвестной причине пребывающая уже несколько дней в плохом настроении

огрызнулась Настя, утрамбовываясь к остальным троим, на заднем сидении изумрудной повывавшей на своем веку копейки.

- Лысый, как настоящий ППСник давно влился в профессию! Спит, наверное, с кирпичом под подушкой, а зубы чистит шуруповертом, а в багажнике бетономешалка лежит – на всякий случай, вдруг что-то строить придется! – предвкушая отлично проведенные выходные, громко и заразительно заржал весь в веснушках парень среднего роста Андрей.

- Да ну тебя... Это дедовские железяки. Брателло припахал. Раз берешь тачку – завези их к деду в деревеньку недалеко от турбазы...

- А какого года копейка? – поинтересовался Михась.

- 80-ого...

- Раритет...

- Да-а, классика!

За стеклами окон тонких, почему-то казалось, картонных дверей машины заморосил неприятный мелкий дождь. Но в самом салоне было жарко – друзья веселились, шутили и кричали, перебивая друг друга, все время отвлекая Лысого, сидевшего за рулем. Улицы быстро проносились мимо. Переулок Ольховый, Ленинский проспект, Брусилова, Минская... На пересечении Ленинского и Брусилова чуть было не столкнулись с высоким золотистым Lexus. Возмущенная блондинка еле различимая за густой дымкой тонировки что-то яростно зашипела. В копейке на минуту воцарилась тишина, а затем вновь испарилась в гуле шуток и смеха.

Наконец, молодые люди выехали за последние пределы города. Изыскателей, Боровое, Сомово. Пейзаж из городских серых мрачных, а порой и просто страшных и пугающих девятиэтажен сменился редующим охристым лесом по обеим сторонам дороги. Осень в средней полосе России наступала внезапно. Заросли не превращались в красно-оранжевые и деревья не стояли долго в этих прекрасных нарядах. Зеленая листва слегка тускнела, немного желтела и быстро опадала, оставляя после себя почти черные депрессивные облысевшие метелки растений.

- Стойте! А самое главное?! – опомнился Миша, когда большая часть пути была преодолена.

- Да есть там все! – успокаивал всех Лысый.

- Втридорога, да?! Разворачивайся! – обиделся Михась.

- Много проехали уже... бензин жалко... здесь недалеко есть проселочная дорога, до ближайшей деревни. Там СельПО у них имеется – и затаримся по полной! – предложил Лысый.

- СельПО? А что такое СельПО? – неосведомленно спросили девушки.

- СельПО – это сельский продуктовый отдел! – гордо ответил Михась.

- Нет, это сельское потребительское общество... - улыбаясь объяснил Лысый.

- Как-то чересчур замудрено для Совка... - недовольно фыркнула Настя.

Все не споря, согласились, и 911 свернула с асфальта. Ехали долго и медленно по нестерпимым кочкам, ямам и продавленным тяжело грузами колеям. Несколько раз друзьям приходилось выходить и выталкивать севшую на брюхо копейку. Эти частые мероприятия раздражали и злили – веселья среди приятелей явно поубавилось. Неудивительно, когда разбитая грунтовка закончилась, и снова начался сносный асфальт, Лысый прибавил газу и старенький автомобиль старательно набирал скорость нагоняя упущенное время. На мобильнике высвечивалась уже половина восьмого, и стало ощутимо темнеть.

- Слушай, Леш... - начал кто-то спрашивать, но не успел.

Визжащие тормоза напугали всех, особенно девчонок. Сидящие вчетвером, не пристегнутые на заднем сидении, впечатались в ватные и громоздкие передние. Словно в замедленной съемке студенты наблюдали, как от слишком резкого торможения плохо закрепленные на кривом проржавелом багажнике на крыше железные прутья сорвались и вонзились в переходящего не широкую дорогу человека... Предчувствуя недоброе, еще не полностью осознавая произошедшее, водитель вышел из машины. Его примеру последовали и остальные пассажиры.

В свете фар и пасмурного заходящего дня они разглядывали лежащего на асфальте пожилого мужчину. Очевидно – это местный деревенский житель, небритый и в грязной неопрятной одежде. Две арматуры торчали из его груди, неглубоко застряв в теле и прогибаясь под собственной тяжестью. Рыжий выдернул их. Еще один прут, словно средневековое копье, пробил насквозь шею человека. Из-под этой раны сочилась и быстро растекалась огромной лужей по неровному дорожному покрытию кровь.

Андрей не решился выдергивать и эту железяку и в растерянности топтался на месте.

- Откуда он так быстро выскочил?! – в сердцах громким восклицанием нарушил леденящую тишину Михась.

- Он живой? – с дрожью в голосе спросила Таня, засопела и тихо нервно захныкала.

Ей никто не ответил.

- Что нам теперь делать?! – добавила паники Настюха.

Леха решился выдернуть искривленный от сильного удара штырь. Кровь из освободившейся свежей раны невысоким фонтаном, слабо пульсирую вырывалась наружу. Лысый схватил не подающего признаки жизни мужчину сначала за одну руку, потом за другую пытаясь прощупать пульс...

- Сдох... - уверенно и как-то обреченно, наконец, произнес он.

- Может скорую надо вызывать... спасут... - неуверенно и робко предположила Длинная.

- Тебе сказали, сдох уже!! – огрызнулся Лысый.

- Мобильник отрубился! Ни одной полоски! Ну и глухомань здесь! – сообщила Настя.

- Так, давайте подумаем! Успокойтесь все! Машина не повреждена, нас ни в чем не заподозрят... Арматуру заберем с собой, труп тоже... - решительно размышлял вслух Андрон.

- Как с собой??

- Как, как? Так!! Труп заберем. Заедем к деду – возьмем у него лопаты и закопаем его поглубже! Тогда никто никогда его не найдет! Сейчас же копать не чем, ни руками же! – взволнованный Лысый иногда переходил на крик.

Пани молча схватили мертвеца и поволокли к багажнику, бросили его внутрь, а бурые пятна и лужи крови на асфальте засыпали песком с обочины. Танька не переставала всхлипывать даже тогда, когда копейка тронулась с места. В полной тишине ее негромкий плач еще больше нагнетал тяжелую атмосферу.

- Не плач, Танюха! Все обойдется и никто не узнает, и тем более не докажет! Скоро подлечим тебя винцом, и станет сразу полегче! – долго успокаивал ее Миша.

- Я домой хочу... - только смогла ответить она.

- Потерпи чуть-чуть и все закончится, может, и переключишься домой... - присоединился к нему еще кто-то.

- ОК...

Через полчаса, освещая тусклым светом грязных фар, безлюдные проселочные улочки с покосившимися старыми трухлявыми домами друзья въехали в село. К этому времени уже совсем стемнело. Немного пропетляв, Лысый остановился возле одной из стоящих в ряд хибар и торопливо вышел. Оставшиеся в машине удручающе молчали, пытаясь рассмотреть происходящее вокруг. По узкой дороге медленно шел подвыпивший мужик, немного пошатываясь. Его черный силуэт быстро слился с ночной темнотой. В доме, куда направился Лысый, не горел свет. Парень быстро вернулся недовольно ругаясь: «Куда его только бесы унесли на ночь глядя?? Нет его дома!»

- Лопаты-то ты взял?

- Нет... У меня ключ только от калитки... Помогите мне выгрузить эти долбанные железяки... - попросил он.

Ребята, ни говоря ни слова вышли, сняли плохо закрепленную связку арматуры с крыши копейки и побросали ее во дворе.

- Что теперь будем делать? – жалобно спросила Таня, когда все опять уселись в машину. Леха выключил горящую под изорванным потолком салона блеклую крохотную лампочку, и студенты продолжили сидеть в абсолютной темноте, от чего Таньке и Длинной стало еще больше не по себе. Миха спросил у Лысого про сигареты, долго копался в плохо закрывающемся бардачке и нервно закурил. Салон быстро заполнился малоприятным едким дымом.

- Будем ждать его?

- Да его дождешься! Вот дед! – раздосадовано хмыкнул Лысый.

- Может тогда поедем за эликсирами? – осторожно предположил Рыжий.

- Да, и сразу в «Земляничную поляну»! – ответил он.

- Что? С этим что ли? – недоуменно переспросил Михась и хоть никто в темноте и не видел, махнул головой в сторону багажника.

- Может, как-нибудь закопаем его, все-таки... руками откапав яму или палками? – поддержал его Леха.

- Нет! Это слишком долго! Пока нет двенадцати часов – надо попасть на турбазу. Отдохнем, переночуем, а с утра опять съездим к деду, тогда и закопаем поглубже по нормальному. За ночь жмурик ни куда не денется, - объяснил Лысый и рванул с места.

Заехав по пути в пустующее, но открытое для посетителей СельПО, студенты купили выпивку и закуску. Хлюпающую носом Таньку и расстроенную Настю сразу подпоили дешевым вином из

белого пластикового стаканчика. Не удержались от соблазна выпить и парни. В машине обстановка постепенно перестала быть напряженной после катастрофического происшествия и даже появились шутки и редкий негромкий смех. Лысый был единственным кто не пил. Он цепко держал старенькую засаленную баранку копейки, ловко маневрировал между выбоинами и кочками плохой дороги. Лысый невольно повторял про себя беззвучную мольбу: «Лишь бы нас не остановили менты... Только не менты...». Миха нервно курил одну за другой некачественные сигареты, открывая неприятно скрипящее окно и напуская в салон машины ночной осенний холод.

Через час друзья добрались до назначенного пункта и еле успели вовремя – одинокий седой пузатый сторож в заляпанной какими-то маслянистыми пятнами форме, расцветки городского камуфляжа, и в смятой кепке, неровно сидящей на черепе, уже вовсю закрывал покосившиеся тяжелые железные ворота въезда на туристическую базу. Он удивился позднему визиту отдыхающих, но пропустил «службу спасения». Еще немного и всей компании пришлось бы ночевать в сыром лесу.

Лысый подкатил к входу одноэтажной с облупившимися кирпичами администрации с еще оставшейся с лета старой тюлевой занавеской от мух на двери. Заглушил мотор и скрылся в здании. Друзья оглядывались, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за плохо помытыми стеклами машины, но ничего кроме асфальтных дорожек, деревьев и редко падающих листьев не было видно. Их водитель отсутствовал совсем недолго и быстро вернулся, довольно потрясывая ключиком и привязанным к нему серой бечевкой толстым деревянным номерком. Приятели неспешно поехали по узковатой то асфальтной, то уложенной плиткой дорожке всматриваясь в тускло освещенные небольшие, собранные из старого дерева домики, ища свой доставшийся семнадцатый номер.

- Вон, там он! – указал на левую сторону дороги Леха.

Друзья остановились у домика отдыха и немного шумя, направились к нему. Лысый еще в 911 отдал ключ рядом сидящему Михасю, а сам когда все ушли вперед осторожно открыл багажник. Человек в нем, перепачканный успевшей засохнуть кровью лежал в том же положении и не шевелился. Лысый дотронулся до его лица и тут же отдернул руку – тело

мертвеца стало холодным. Убедившись в окончательной и бесповоротной смерти сбитого человека, он захлопнул багажник с характерным громким лязгом.

- Мобильник и здесь не ловит, ни на улице, ни в домике! – обиженно пожаловалась всем Длинная.

- Это же просто отлично! Отдохнешь от цивилизации! Почувствуй себя в 70-ых! – подшучивал над ней Андрей.

Леха нашел выключатель, зажег свет. Лысый запер дверь домика изнутри на ключ. Студенты быстро освоили стоящий посередине главной комнаты большой стол, разложив и расставив на нем недавно приобретенную и взятую из дома еду и емкости с горячительными напитками.

- Как думаете, нас уже ищут? – осторожно поинтересовалась Таня, нарушив растущий по мере выпитого алкоголя шум. Образовавшуюся гробовую тишину прервал Андрон: «Так, Таньке еще налить! Да побольше! А то она еще не расслабилась! Будем об этом завтра думать...».

Вскоре негромкий шум и возня превратились в громкий гул, смех, беготню по комнатам и выкрики, которые разносились далеко за пределы их домика с горящим светом в окнах. Но в осенний период базу посещало мало отдыхающих и они ни кому, ближайшие постройки не были заняты, не мешали.

Глубокой ночью, когда уже почти все спиртное было выпито, друзья неровными шагами отправились на поиски местного озера, что бы посидеть на берегу и освежиться. Пошли все. Шумя и плутая по лесным тропинкам, Лысый больше всех наслышанный об этих территориях не сразу, но вывел приятелей к искомому водоему. Наслаждение прохладным свежим воздухом быстро переросло в шутивную возню. Подвыпившая компания, не смотря на октябрьский холод, решила искупаться. Побросав одежду и оставшись в одном нижнем белье, поскальзываясь на скользких жирных черноземных берегах, ребята с грохотом и плеском попрыгали и попадали, казалось в ледяную воду. Девушки немного помялись, боясь намочить волосы и простудиться, но быстро присоединились к парням. Шумная компания веселилась и плескалась в озере, баламутя воду и оставляя на ней далеко расходящиеся круги и небольшие волны. Кто-то отплыл подальше, с трудом от выпитого держась на поверхности, кто-то барахтался у самого берега. Михась давно симпатизирующий Тане заигрывал с ней, неожиданно выныривая рядом и пугая. Накупавшись вдоволь

студенты один за другим стали выходить из озера. Карабкались по скользким берегами, пачкая грязью руки и ступни. Содрогаясь от обжигающего прохладой кожу воздуха, они быстро оделись.

- А где... Настя? – испуганно спросила Таня. Друзья принялись озираться и звать ее по имени, но Длинная не отзывалась.

- Она в озере! – Андрей первым заметил недвижимое, еле заметное в темноте, тело, плавающее у высохших камышей. Леха и Махась в одежде прыгнули в воду и вытащили бездыханную Настю на берег. Уложили ее на небольшой участок из жухлой травы и опавших листьев. Ее белое, немного посиневшее тело выглядело даже устрашающе в слабом свете луны. Ребята столпились вокруг Длинной и наперебой пытались привести ее в чувство. «Она умерла...» - еле слышно произнесла Танька. Миха неумело делал искусственное дыхание, Леха ритмично давил на сердце, но эти мероприятия оживить девушку не помогали. Тогда Андрон и Лысый перевернули ее, стали изо всех сил трясти. Наконец стоящие в стороне Таня, Михаил и Алексей услышали бульканье. Настю стошнило ледяной водой, и раздался громкий, словно болезненный крик новорожденного, истошный хрип. Неистово кашляя и трясясь от холода Длинная села на траву, обхватив продрогшими негнущимися пальцами ноги. Леха нашел ее одежду, висящую на невысоком кусте, и накинул красную куртку на плечи девушки.

- Не пугай так больше, ладно? – не совсем уместно пошутил Миха и прикрыл ее ноги своим свитером.

- Пить надо меньше... - недовольно добавил Лысый.

Когда она окончательно пришла в себя Таня помогла подруге одеться и вся компания пережив еще один сильный испуг за один вечер побрела обратно к снятому на турбазе домику... Почти до самого утра продолжалось вновь реанимировавшееся веселье и шум. Только когда в лесу стало светло, потух свет в окнах, и воцарилась полная тишина.

- Ребята, вставайте! ОК? – проснувшаяся раньше всех Татьяна ходила по маленьким комнатам и будила спящих впопалку прямо в одежде друзей.

- Ууу! – доносилось лишь отовсюду недовольное похмельное мычание.

- Давайте, просыпайтесь! У нас мертвец в машине! Вы не забыли еще? – настойчиво продолжали приводить всех в сознание девушки.

Нехотя парни все же проснулись. Кто-то сразу стал перекусывать, кто-то судорожно искал свои неизвестно где брошенные ботинки.

Лысый и Михась вышли из домика, чтобы умыться из баклажки, покурить и вспомнить произошедшие вчера злоключения.

- Ты помнишь, как вчера Настюха чуть не утонула? – теперь, когда все обошлось, с еле сдерживаемым смехом спросил Лысый друга, кутаясь в воротник куртки. Михась торопливо закивал головой и закурил, добавляя к утреннему туману сигаретный дым. Стало даже слишком, как им показалось тихо и чересчур для этого времени года холодно. Под утро были заморозки, и редкие неглубокие лужи покрылись тонкой невесомой корочкой прозрачного льда. Лысый и Миха выдыхали клубы пара перемешенного с табачным дымом и уже собрались вернуться в домик, чтобы согреться, как Мишка насторожился.

- Что? – в легком недоумении спросил у него Лысый.

- Ты слышишь? – негромко и опасливо ответил Михась.

- Слышу что?

- Скрежет какой-то, будто скребется кто-то... - пояснил он.

- Скребется? – словно полный придурок повторял за ним Лысый.

Михась ни чего не ответил и молча сошел с неровного деревянного крыльца. Он немного постоял на пожелтевшей начавшей прогнить траве, пытаясь определить направление доносящегося звука. Потоптавшись на месте, он уверенно пошел к зеленой копейке. Лысый спокойно наблюдал за ним.

- Это отсюда! – выпалил Миха, смотря на друга неожиданно увеличившимися и округлившимися испуганными глазами.

- В смысле? – только и смог пробормотать Лысый себе под нос и спустился на тропинку.

- Слышишь! – уверенно спросил его друг, кивая на багажник.

- Слышу... - странно согласился Лысый.

Из багажника копейки его брата и вправду доносился подозрительный скрежет. Лысый покопался во всех карманах Джинс и куртки пока не нашел ключи от машины. Потянулся к замку багажника и собрался было отпереть его, как сильный гулкий толчок изнутри остановил его.

- Он что... живой что ли? – удивленно произнес Михась.

Тем временем толчок повторился и стал еще громче. Старенький автомобиль содрогался от сильных ударов. Друзья безмолвно

сleдили за происходящим. Очередной толчок стал такой силы, что тонкий металл крышки багажника прогнулся, образовав невысокую, но очень выразительную кривую несимметричную кочку. Михась и Лысый заворoженные увиденным, в страхе отпрянули от, словно взбесившейся, 911 судорожно придумывая как им теперь поступить...

Лилит и Сандалф

Сандалф неспеша, шел за Лилит, обдумывая как лучше рассказать ей о задуманном. Переводил взгляд то на ее длинную с тонкой линией кружев черную юбку, то на всю покрытую выщерблинами не новую уличную плитку, то на фасады старинных домов на Театральной. Пара молодых влюбленных направлялась к драматическому театру. С него открывался неплохой вид на местное «море», и на застроенные разношерстными высокими и низкоэтажными домами правый и левый берег. Они уже зашли в небольшой парк перед театром с жухлыми газонами, редкими раскидистыми многолетними деревьями, мощеной площадью и кучками маргиналов разных возрастов и увлечений, рассевшихся на спинках добротных крепких скамеек.

- Эй, Эмо! Подстригись!!

Наглый грубый выкрик одной, наверняка пьяной компании остановил их. Оскорбление было явно направлено в сторону длинноволосого крашеного в черный цвет Сандалфа. Отличавшаяся обычно терпеливостью и устойчивостью к провокациям, Лилит на этот раз не выдержала и быстро подошла к трем коротко стриженным гоперской наружности парням.

- Мы не эмо!! Во-первых, эмо – это эмоциональные психически неуравновешенные дети, а мы намного старше! Во-вторых, в них нет ничего мистического и темного, а только цветные яркие полосы, челки и заколки! В-третьих, эмо поверхностные и легкие, а наша философия глубокая, осмысленная и правдивая! Ты понял?! Тебе это понятно?!– несдержанно повысила она голос.

Парень, кричавший то, что первое пришло ему в голову при виде странной парочки не ожидал такой реакции и растерянно приоткрыв рот, смотрел на разъяренную Лилит. Сандалф наблюдал, что она даже побледнела от охватившего ее негодования и стала похожа на взбешенную вампиршу. Остальные двое обидчиков не желая вмешиваться отвернулись, молча продолжая потягивать пиво из темных бутылок и хрустеть небольшими пакетиками с пережаренными сухариками.

- Извините... - обескуражил всех, даже своих товарищей ответил позволивший себе грубый комментарий незнакомый парень.

Лилит гордо и победно кивнула, и они с Сандалфом продолжили свой путь. Выйдя на площадь за драмтеатром яркая готическая

пара увидела что, как и обычно под вечер, она не пустовала. На невысоком парапете длиной во все здание сидели поодиночке и группами люди. Одни курили, другие просто любовались видом на водохранилище. Сандалф и Лилит подошли к высоким кованым поручням.

- Лилит, давно хотел тебе рассказать, ритуал поклонения... я нашел отличное место, где можно провести его... - наконец решился рассказать молодой человек.

- Это же прекрасно! Я так давно хотела посвящения! – обрадовалась его возлюбленная, - и что это за место?

- Старое заброшенное кладбище под VRN. Там никого не хоронили с самой Второй мировой... Высокие могучие деревья, старинные кресты и ограды, очень романтическое кладбище... - с некоторой долей гордости объяснил он.

- Если я не ошибаюсь неподалеку больницы для туберкулезных больных... - согласилась с замыслом Сандалфа Лилит.

- Да это так... Ты знаешь эти места? – немного удивился ее друг.

- Совсем чуть-чуть. В прошлом году ездила с родителями на турбазу и видела это кладбище. Когда мне было скучно с предками, я ходила гулять туда и на озеро...

- Я думал, удивлю тебя!

- Все хорошо! – с улыбкой редко появляющейся на ее узком бледноватом с большими карими глазами лице ответила Лилит.

- Что нужно выполнить для ритуала? – сразу же поинтересовалась она.

- Выкопать мертвеца, пролежавшего в земле не меньше пятидесяти лет, принести в жертву козла. Его кровь смешать со своей и выпить... Вот и все.

- А где козла взять? – озадачилась Лилит.

- Купим по объявлениям в деревне... - рассказал Сандалф.

- Кто будет покупать? Ты думаешь, тебе кто-то продаст свое животное, когда ты так странно выглядишь? – удивилась она.

Сандалф немного замялся, подумал и произнес: «Я для такого события оденусь поприличнее. Хотя у меня нет ничего не черного. Куплю что-нибудь...»

- Когда все это произойдет? – задала последний вопрос она.

- Ночью в полнолуние в пятницу тринадцатого – через две недели как раз выпадает эта счастливая дата! – показал всестороннюю подготовленность Сандалф, - и еще забыл сказать, я татуировку сделал в виде вампира...

Через две недели в пятницу тринадцатого второй половины октября они взяли такси и приехали к заветному кладбищу. Сандалф как и обещал, был одет в светлые джинсы и рыжеватую куртку, на время позаимствованные у соседа. Длинные черные волосы он тщательно спрятал под темно-зеленой бейсболкой. Теперь он был похож на обычного шестнадцатилетнего парня.

В большой сумке и рюкзаке они захватили все, что могло понадобиться для проведения ритуала посвящения. Перевернутые металлические кресты, свастики и фашистская серебряная печатка, самодельные символические фигурки, трофейный старинный кинжал, пошитые на заказ ритуальные туники с большими просторными капюшонами, отделанными багровыми кружевами и серебристой вышивкой, старая железная миска, namного еды, две бутылки дорого вина, древняя молитвенная книга с заклинаниями и огромные толстые разноцветные свечи.

В располагающейся неподалеку деревне Сандалф уже договорился о покупке взрослого черного крупного козла и двух лопат, чтобы не тащить их из города. Молодые люди заметили слишком много объявлений и вывесок похоронных бюро, словно в этом небольшом поселении занимались только тем, что хоронили местных жителей. Пешком они дошли до нужного дома и постучались в плохо сколоченную калитку с совсем облупившейся голубой краской на заборе. Открыла дверь неприветливая угрюмая неопрятная толстая старуха с непривычно сильно волосатым лицом. Она молча вывела из сарая своенравного упрямого длиннорогого козла, еле вытащила, согнувшись под тяжестью своего тучного тела откуда-то из-под дровницы две лопаты, взяла деньги и также, не промолвив ни слова, захлопнула за Лилит и Сандалфом дворовую калитку. Сандалф удовлетворенно закачал головой, указывая на пытающегося встать на дыбы и ударить хоть кого-нибудь тяжелыми перекрученными рогами животное. Он был очень доволен своим выбором.

Необычная парочка направилась с брыкающимся козлом, лопатами и сумками к кладбищу тщательно избегая встреч со случайными прохожими. Сандалф не искал заранее могилу, хотел предоставить право выбора любимой Лилит. На мобильном телефоне высвечивалось всего четыре часа дня. Восемь часов – достаточно для того, чтобы найти лучшее подходящее место,

разложить все необходимое и к полуночи полностью подготовиться к проведению зловещего ритуала.

- Мне нравится эта могила! – наконец сделала выбор Лилит, обернувшись к покорно следующему за ней Сандалфу.

Они остановились у невысокой полуразваленной тяжелой чугунной ограды с витиевато украшенного коваными узорами креста. С полу выцветшего фото на металле на них смотрела молодая худощавая девушка с тугими, обернутыми по старой моде вокруг головы, косами. Влюбленные по датам прочитали, что умерла она еще в 38-ом году в возрасте двадцати одного года. Сандалфу сразу же понравился выбор Лилит. Он безмолвно воткнул лопату в небольшой холмик твердой слежавшейся земли, а она неспешно принялась доставать из сумки и раскладывать на торжественное атласное огненно-алое покрывало принесенные ритуальные принадлежности. Сандалф забрасывал землю за крест к высокой раскидистой ели и периодически внимательно прислушивался – не шел ли кто-то пока светло... Еще как на зло начал громко блеять козел.

Стало темнеть, и в темноте, даже если рядом пройдет случайный прохожий, было легко спрятаться от посторонних глаз. А в полночь вряд ли кто из местных жителей осмелится сунуться на это старинное кладбище. Почти все приготовления были закончены. Лилит уже облачилась в длинное обрядовое одеяние и с нетерпением ожидала окончания разрытия могилы.

- Что-то не так... - недовольно сказал Сандалф.

- Что не так?

- Гроба просто нет...

- Колай глубже! Раньше верующих хоронили на глубине трех метров.

- А я, по-твоему, на какой уже копаю?! – никогда не позволявший себе грубость по отношению к Лилит, огрызнулся он.

Лилит, обиженная, немного посомневалась, но потом быстро скинула праздничную сатанинскую красно-черную тунику, взяла вторую лопату, прыгнула в раскученную могилу и принялась помогать Сандалфу...

Скоро стемнело настолько, что они не видели друг друга.

- Нужно выбираться – гроба в этой яме почему-то нет...

- Как это возможно?! – возмутилась она.

- Не знаю... так бесследно разложиться ни гроб, ни тело не могли...

- И что теперь? Ритуал посвящения отменяется? – грустно спросила она, под бляения вновь ставшего жалобно выть животного.

- Пока еще есть время надо найти другую могилу! – ответил Сандалф, взглядываясь в тускло светящийся мобильник.

Молодые люди выбрались из странной могилы и стали быстро, не разбирая порядка скидывать приготовленные вещи в рюкзак и сумку. Сандалф включил небольшой фонарик, отвязал от сохранившего изначальное вертикальное положение куска ограды козла и они втроем скорым шагом направились подальше от злосчастного места. Лилит была сильно расстроена такой неудачей – долгожданный романтический ритуал теперь выглядел не таким прекрасным.

На противоположной стороне кладбища они нашли другое не менее интересное захоронение. На ржавом слегка покосившемся кресте висела одна овальная металлическая совместная фотография трех людей среднего возраста, одного мужчины и двух женщин. Было подозрительным и необычным явлением, почему они все похоронены в одной могиле и как в ней располагаются, в одном большом гробу или рядом... Возможно, они одновременно задохнулись в дыму при пожаре в их старинном доме или умерли от опасной смертельной болезни, но Сандалф и Лилит не боялись причины их смерти. На экране высвечивалось десять часов. Сандалф, заверившись полным согласием Лилит, принялся как можно быстрее раскапывать могилу. Девушка, понимая, что ему одному до назначенной полуночи не справиться, тоже взяла лопату и изо всех сил помогала возлюбленному. Фонарь, воткнутый в земляную стену, равнодушно освещал их старания. Всего через час, когда они только по плечи скрылись в яме, их лопаты наткнулись на полусгнившие доски гроба со следами красной краски. Довольный нервный смешок невольно сорвался с уст Сандалфа. Он отбросил лопату и руками выломал трухлявые доски над изголовьем похороненного мертвеца. Подрагивающими от усталости пальцами крепко схватил появившийся в провале гроба плохо освещенный помаргивающим фонарем череп. Но их опять постигла неудача – давно лежащие в сырой почве кости рассыпались на куски в руках Сандалфа.

- Твою же мать! – громко выругался он и со всей мощи выбросил осколки черепа из могилы далеко в сторону.

По измазанному грязью и песком лицу Лилит от бессилия беззвучно текли слезы. До полуночи оставалось чуть больше получаса. Полная луна давно вышла из-за редких ночных туч и неплохо освещала безлюдное кладбище.

- Ничего, попробуем в следующем месяце или весной... – пытался успокоить себя и подругу Сандалф.

- Там под гробом что-то есть, посмотри! – прервала его Лилит.

Они принялись торопливо разбрасывать обломки дерева и костей. Под первым верхним гробом располагался второй, и он сохранился немного лучше. Сандалф пробил лопатой крышку и достал еще один череп. Эти кости оказались крепче и не рассыпались в руках. Лилит от радости вскрикнула и невысоко подпрыгнула, немедленно провалившись по икры в гроб. Сандалф помог ей, истерично смеющейся выбраться из ловушки и из ямы.

До двенадцати осталось пятнадцать минут. Парочка стремительно и не очень аккуратно разложила ритуальные ножи и другие принадлежности на смятом цвета свежей крови покрывале. В спешке облачились в праздничные балахоны. Сандалф видел, как на испачканном лице Лилит сверкали счастьем и удовольствием глаза. Трясущимися от волнения руками расставили по пиктограмме и зажгли большие толстые черные, красные и белые свечи. Молодой человек затащил упирающегося козла в центр символической фигуры, она подала старинный изогнутый кривой нож. Сандалф полоснул им по покрытому густой шерстью горлу животного, продолжая крепко держать его за рог. И свежая жертвенная кровь тонкой горячей струей потекла в подставленный Лилит человеческий череп. Когда он наполнился до краев парень отпустил мучающееся умирающее существо и сделал небольшой надрез на своей и левой руке девушки, добавив к крови животного собственную. Взял с покрывала заготовленные еще несколько месяцев назад порошки и деревянные фигурки. Девушка осторожно подняла руки высоко над головой, стараясь не пролить ни капли из сосуда, бывшего когда-то частью живого тела. Медленно поворачиваясь против часовой стрелки, громко зачитывала давно заученные заклинания поклонения. Сандалф ходил по кругу в противоположном направлении, выкрикивал другую важную часть текста, вырисовывая в воздухе скульптурками образов дьявола символические фигуры, играл свою роль. Следя за временем ровно в полночь, они без малейшей доли безгливости на двоих распили всю жертвенную жидкость из

ритуального черепа. Ритуал поклонения был завершен – как думали влюбленные, теперь они считались слугами сатаны и представителями его нечисти, вурдалаками и вампирами. Все настоящие истинные готы были обязаны пройти подобный ритуал. Теперь обряд обращения предстояло закрепить праздником и торжеством.

Сандалф открыл бутылки хорошего дорогого вина без единого слова на русском на этикетке и постепенно разлил его по огромным древним металлическим бокалам, с трудом выкупленным у знакомого антиквара. Они, кружась в медленном танце в полной тишине, распили напиток. Лилит страстно прижималась к Сандалфу. Впереди их ожидал обязательный для подобного торжества акт любви, и она старалась быстрее разогреть себя и настроиться. Это был их не первый контакт, и Лилит сожалела, что не смогла сберечь девственность для такого важного ритуала и невероятно романтической ночи... Под утро изможденные бурным сексом, обессиленные переживаниями и долгим промежутком без сна, но довольные и счастливые тем что все несмотря на трудности в начале прошло так как они и хотели, Лилит и Сандалф заснули в ритуальной одежде на смятом покрывале. Они, прижимаясь друг к другу от холода, лежали посреди ассиметричного четырехугольника ограды оскверненной могилы, с окоченевшим трупом козла напротив поскрипывающей от слабого ветра калитки и разбросанных ритуальных побрякушек...

Холодное утро быстро захватило тихое заброшенное кладбище. Раздосадованный режущий слух крик одинокой вороны, сидевшей на кресте неподалеку, разбудил отдыхающую после своеобразного веселья парочку. Сандалф медленно встал, потягиваясь и подергиваясь от осенней прохлады, громко вдохнул полной грудью освежающий воздух и огляделся вокруг. Старинное кладбище и вправду было прекрасно. Вчера им, озабоченным важными приготовлениями, совсем не осталось времени насладиться этим великолепным мрачноватым и небывало лирическим пейзажем. Высокие деревья-долгожители с торчащими из влажной земли мясистыми корнями, могучими ветвями и броней-корой медлительно сбрасывали свои рыжие предзимние одеяния. Легкий ветер наигрывал на листьях и высокой сухой затвердевшей от инея траве успокаивающую сложную

природную мелодию. Жухлые мертвые листья, будто сказочный эльфийский дождь витали, кружась вокруг. Обычно в полностью пасмурную осень неожиданно из-за сплошной серой и тяжелой небесной пелены выглянуло яркое солнце. Согревающие лучи заставляли тени танцевать, отбрасывая их от частоколов оград и крестов...

Вдруг Сандалф услышал инородные чуждые этому умиротворенному пейзажу звуки.

- Лилит!! Просыпайся!! Здесь кто-то есть! – стараясь не шуметь, разбудил он свою возлюбленную.

Лилит быстро вскочила на ноги, и еще не успев толком проснуться, принялась спешно забрасывать раскиданные вокруг перемазанные в грязи и жертвенной крови ритуальные предметы. Они не хотели быть пойманными или замеченными. Сандалф стал помогать ей собирать самое ценное.

Жуткий хрип, раздавшийся на тропинке, прячущейся за ближайшими редкими кустами, сильно испугал их и заставил бросить свое занятие. Сандалф и Лилит словно замороженные напряженно всматривались в зловещее пространство. За кустарником сквозь поредевшие ветви постепенно вырисовывался силуэт медленно приближающегося человека. Сандалф молча показал рукой назад, недвусмысленно намекая, что им уже пора. Он взял наспех собранную сумку, она рюкзак – ношу легче. Они тихо и осторожно вышли из ограды и направились по тропе в противоположную от незнакомца сторону. Когда отошли достаточно далеко, будто какая-то неведомая мистическая сила заставила Сандалфа обернуться.

Когда он увидел случайно обнаружившего их прохожего, то просто потерял дар речи, силу воли и способность двигаться... Лилит, заметившая, что Сандалф не идет вслед за ней, тоже остановилась и из-за тонких стволов молодых берез удивленно рассматривала чужака на тропе...

Незнакомец шел тяжело, при каждом шаге из его горла вырывался неприятный вызывающий озноб ужаса, булькающий и одновременно скрипящий хрип. Не совсем нормальный человек не обратил ни малейшего внимания на оскверненную изувеченную молодыми вандалами могилу и ковылял прямо на них. Сандалф заметил, что он идет все быстрее и быстрее и по мере его приближения смог разглядеть на нем порванную одежду и

усыпанную крупными сплошными и мелкими черными пятнами кожу. Глаза прохожего были наполнены кровью из полопавшихся сосудов, ярко освещенное солнцем лицо перекошено страшной неопишуемой гримасой, а из разорванного рта на грудь, только частично прикрытую каким-то грязного цвета свитером и курткой, сочилась кроваво-желтая слюна...

Разные мысли путались в голове Лилит. Сначала она подумала – это призрак кладбища пришедший наказать их за надругательство над мертвыми... Но выглядел чужак вполне реалистично и ей даже показалось что это воскресший с помощью их обряда поклонения труп. Он ничего не говорил, в его руках, по локоть в черноземе, словно он самом деле только вылез из свежей могилы, оружия видно не было.

- Что-то мне не нравится, ни как он выглядит, ни что идет за нами... - неуверенно произнес Сандалф.

Когда жуткий посторонний человек оказался всего метрах в двадцати от них, Сандалф не выдержал и громко выкрикнул: «Бежим!!».

Лилит побежала. Сандалф мельком обернувшись через плечо, заметил – как только они пустились наутек, странный прохожий резко рванул вперед и с колоссальной скоростью догонял их...

Безысходность на Менделеева

Улица Менделеева находится в депрессивном районе на отшибе города. Здесь все было пропитано тревожностью и обреченностью... Сюда сложно добраться – ходили редкие, переполненные вечно недовольными бедными людьми, грязные сыпавшиеся прямо на ходу проржавелые ПАЗики. В огромной глубокой луже в центре района они часто застревали и глохли, оставляя в своих неказистых телах, словно в заложниках десятки не могущих выйти людей. Умирающий шинный завод, ради которого в 60-е и был построен весь район, из последних сил травил своими выбросами окружающие его скромные старенькие улицы. Городская застройка из двух, трех и пятиэтажных домов изредка пронизывалась девятиэтажками из безликого силикатного кирпича. Ветхие нищие аварийные дома были заселены алкоголиками, которые часто бездельно шлялись по этим улицам. Они пугали, угнетая непрезентабельным больным видом добропорядочных граждан, не по своей воле случайно оказавшихся в районе, и от безвыходности постоянно или временно проживающих в тех же пяти и девятиэтажных домах. Магазины с совковыми прилавками, обслуживанием толстыми тетками-продавицами в белых, будто врачебных халатах, наводили невыносимую тоску. Давней постройки редкие школы стояли с облупившимися потрескавшимися и много лет не реставрируемыми фасадами. Зброшенные невысокие строения с провалившимися крышами и деревянными сгнившими перекрытиями кишели бездомными животными и людьми, которые десятками замерзали и умирали в холодные зимы... В этом районе на левом берегу города все казалось мрачнее, грязнее, запущеннее и угрюмее чем являлось на самом деле. Это было одно из самых неблагополучных для проживания и посещения мест VRN.

Ира нервно курила на обшарпанном не застекленном балконе четвертого этажа хрущевки, стараясь успеть, пока не вернулся с работы любимый и ненавистный одновременно муж. Маленькая полугодовалая дочь спокойно и безмятежно посапывала в купленной с рук дешевой за семьсот рублей без одной грядущки кровати. У молодой семьи не было своего жилья, и они снимали небольшую всего в сорок четыре квадратных метра

двухкомнатную квартиру в этом ужасном районе на Менделеева. В их комнатах казалось, время давно остановилось. Об этом напоминало все – в чужой квартире не было ни одной новой современной вещи. Голая засиженная мухами лампочка под потолком нагоняла жуткую депрессию...

Резкий скрежет ключа в дверном замке заставил Ирину вздрогнуть. Она грустно вздохнула, закрыла балкон и пошла на кухню, разогревать мужу еду. Влад молча, как обычно, не поздоровавшись и не обняв ее, прошел в дальнюю комнату и переоделся в домашнюю одежду. Вчерашнее картофельное пюре, сосиска и два яйца весело шипели на кривоватой выдавшей виды сковороде, распространяя по квартире соблазнительный запах. Муж зашел на кухню и уселся за шатающийся с истертой клеенкой стол.

- Вчерашнее?

- Мы же все время экономим... возьми свежее... я доем...

- Опять пересолила... Я когда-нибудь буду есть нормальную еду? То пересолено, то не досолено...

Она, привыкшая к его постоянным обидным придиркам, молча налила и поставила перед ним кружку с чаем.

- Что это за чай?! – не выдержал и взбесился Влад, - трехнедельной свежести что ли??

- Да нет же, только сегодня заварила... - робко пыталась оправдаться молодая женщина.

- Ну да, ну да... - еще больше обижал ее Влад.

Ира не стала больше пререкаться, ушла в зал и тихо включила безвозвратно устаревший еще советский ламповый телевизор «Рубин», принимающий всего два канала. Вскоре муж вышел из кухни: «Снова телик смотришь? Занялась бы чем-нибудь, дел что ли нет....»

- Чем я займусь, ребенок помытый, накормленный – спит, убралась и наготовила на завтра! – вспылила уставшая от непрекращающейся ругани Ирина и немного повысила голос.

- Ну и все тогда... - словно обиженный малолетний несмышленный ребенок ответил он и сразу же принялся собирать личные вещи.

Владислав поступал подобным образом уже четвертый раз за полгода. Из глаз молодой женщины хлынули слезы, и она бросилась ему не шею. «Любимый, не уходи, пожалуйста... не бросай нас!» - плакала и умоляла она. Ирина делала так всегда, когда гражданский муж вновь собирался уходить и почти каждый

раз слезами и своей болью ей удавалось остановить его. Лишь дважды он все-таки уходил из их общего дома и неделю жил у родителей.

Разлад начался полтора года назад, когда его отец и мать неожиданно и без серьезной весомой причины обозлились на Иру. Постепенно все больше и наглее стали обвинять в бесхозяйственности, невнимательности к ребенку и в итоге попросили больше в гости к ним не приходить. «И самое страшное, я знаю - она курит! Что бы ее здесь больше не было!!» - острой бритвой полоснули душу доброй молодой женщины их грубые жестокие слова, переданные ей через собственного сына. Она не знала, почему все время так унижается, пытаюсь сохранить их отношения, позволяя каждый день унижать себя и просто «вытирать об себя ноги». То ли правда так сильно любила этого самовлюбленного эгоистичного и не очень далекого кареглазого человека, то ли просто боялась остаться одной с крохотным ребенком на руках, без жилья и хоть и небольшого, но заработка...

Разбуженная шумом дочь испуганная громко и надрывно заплакала. Ирина беспомощно сквозь густую пелену слез смотрела на нее и не решалась выпустить мужа из объятий. Он недовольно хмыкнул и вырвался из ее рук. Она бросилась к ребенку и принялась жалобным голосом успокаивать его, а сама с расширенными от ужаса глазами наблюдала, как Влад складывает в большую сумку и некрепкие полиэтиленовые пакеты с логотипом продуктового магазина свои личные вещи. Маленькая Валечка приутихла, и мать аккуратно положила ее обратно в детскую кроватку.

- Я так люблю тебя, останься, прошу... - истощенная ежедневным страхом на коленях обнимая ноги мужа, просила она.

- Из тебя все-таки получилась плохая мать! Как меня и предупреждали родители! – он явно намекал на то, что Ира не укачивала ребенка, а из последних сил цеплялась за него.

- Что ты пристала ко мне!! Из-за тебя у меня ничего в жизни не получается! – кричал Владислав.

Ирина отпустила его джинсы и, полусидя на стареньком протертом ковришке в темно-бежевых листьях, не переставала громко хлюпать носом. Потом она снова бросилась к нему на шею.

- Не уходи любименький, Владушка... ради меня и дочери!! – яростно шептала она ему на ухо.

Он недовольно отвернулся от ее слов, но постепенно стал успокаиваться и вскоре передумал уходить: «Ладно, только на сегодня останусь...» - буркнул он и отставил собранные пакеты и сумки в угол. Ира, радостно вытирая пальцами слезы, засуетилась на кухне, поставила чайник и красиво выложила на чайное блюдо его любимые песочные печенья.

В глубине души ее сильно расстраивала такая несправедливая неоправданная жестокость мужа и сердце сжималось от ставшей привычной горькой обиды, но она продолжала терпеть... Все чаще ее посещала мысль – Владислава правильнее было бы отпустить от себя раз она так немила ему, но женщина сразу же давила эти предположения не давая им разрастаться – ведь она не представляла себе жизни без обожаемого мужа. Казалось странным, Ирина никогда и никого не любила так сильно, хотя не встречала прежде человека так плохо относившегося к ней. Даже когда она узнала о своей незапланированной беременности, Влад настаивал на аборте. Она решила оставить ребенка, несмотря на его угрозы бросить их... Малышка Валентина стала для нее самым близким человечиком на свете... Ирина мечтала о покупке фотоаппарата – ей так хотелось запечатлеть дочку маленькой на память, ведь у нее не было еще ни одной ее фотографии, не было и общих фотографий с мужем.

Ира еще долго не могла прийти в себя после очередной ссоры. Ее волнение выдавала чрезмерная суетливость и нервный смех, когда, стараясь угодить и понравиться ему, неестественно смеялась над его шутками. С каждой ссорой Ира становилась все запуганней, покорнее и несчастнее. Когда он уходил на работу, ей становилось легче. Ирина возилась с дочкой, смотрела любимые программы по будням, читала учебники по заочному обучению на юриста, занималась привычными домашними делами и даже наносила на лицо косметику.

Каждый вечер «гражданская» свекровь интересовалась самочувствием своего сыночка. После ссоры с родителями Ира не брала трубку, при очередном ненавистном звонке пряталась в ванну или делала вид, что сильно чем-то занята, дожидаясь, когда Влад сам подойдет к телефону. Просто не могла слышать голос, за спиной унижающей ее, женщины. Она была приезжей, в новом городе у нее не было друзей, и Ира не боялась пропустить важный

звонок – кроме ужасной свекрови им никто на домашний телефон не звонил. Муж быстро это понял и, конечно же, не упускал возможности отругать ее за такое неуважительное к его родителям поведение. Ее собственные родители давно спились и не общались с дочерью. Ирина воспитывалась больной бабушкой, которая уже как девять лет назад умерла. У нее не было ни одного близкого человека кроме Владислава и дочери, и она панически боялась потерять и их, остаться в полном медленно убивающем безысходном одиночестве.

Несмотря на все тяжелые условия своего существования, молодая приятная симпатичная женщина не пыталась ни с кем познакомиться, так сильно верила в свое чудовищное черное счастье и рисовала в воображении безупречное и совсем не кажущееся фальшивым их общее будущее. Когда она робко начинала разговор о скромной свадьбе, что бы только официально зарегистрировать незаконно рожденную дочь, Влад просто взрывался от гнева и ярости: «А ни чего тебе больше еще не нужно?!» - бессердечные слова сразу же отрезвляли женщину, заставляя послушно соглашаться с его грубостью.

Шла кровь с крупными багрово-черными сгустками, сопровождающаяся тугими тянущими болями внизу живота. Ира поняла, что снова беременна и это очередной выкидыш уже третий по счету. Казалось чудом, что она посреди своих женских несчастий смогла выносить и родить вполне здорового ребенка. Новый залет не был для нее неожиданностью. Владислав каждый день настойчиво требовал секса, от не в силах не смотря ни на что отказать ему, запуганной женщины. А предохраняться он не любил, не особо заботясь о здоровье жены. Ирина очень плохо себя чувствовала: тело одолела сильная слабость, голова постоянно кружилась, а кровь текла ручьем так, что насквозь за десять – пятнадцать минут промокала любые, даже самые надежные средства гигиены.

Как назло, завтра ее пригласили ненавистные родственники мужа на праздничный обед, впервые после долгого перерыва. К ним приехала какая-то важная родня, и у кого-то из них завтра как раз был день рождения. Родители Влада совсем бесцеремонно, не отягощенные угрызениями совести старательно делали вид что ни чего не произошло, и слышно сладостно сюсюкали с сыном по телефону. Она знала – Ольга Михайловна и Владислав

Владимирович хотели видеть не ее, а показать маленькую внучку родственникам, которым они, по всей видимости, боялись признаться, что ненавидят свою невестку. Ирина не могла не согласиться прийти на праздник – когда-то давно из-за плохого самочувствия она пару раз не появлялась на их обедах по выходным и этим еще больше всех злила. Да она и сама смиренно хотела наладить так сильно испортившиеся отношения, сделать все, что было в ее силах и сохранить тем самым семью. Молодая женщина надеялась на это до последнего, страдая и терпя хамское поведение горячо и преданно любимого человека. Она подозревала, что гражданский муж давно завел себе любовницу, но все рано боролась и испытывала невообразимые для большинства женщин и девушек ее возраста душевные муки.

С чувством неотвратимой боли она дождалась назначенного часа, приготовилась сама и собрала дочку. Влад как обычно ни в чем ей не помогал, ушел с утра и просто договорился с ней встретиться сразу в квартире родителей. Боясь упасть в обморок, Ирина медленно с трудом выволокла из подъезда тяжелую коляску, и поплелась к ближайшей автобусной остановке. Натолкавшись в тесном ПАЗике с громоздкой обузой, она вышла на нужной остановке на другом краю города, раскинувшегося по левому берегу. Тревожно зазвонил телефон: « Ну, где ты есть?? Здесь все уже готово!» - раздался недовольный голос Влада.

Ира волновалась, а на душе неприятно скребло чувство страха и боли. Ей прямолинейной, доброй и открытой, всегда было тяжело скрывать свои истинные чувства, вести себя лицемерно и наигранно... А это ей предстояло делать целый вечер. Она поднялась на покачивающемся лифте на восьмой этаж и позвонила в дверь 136-ой квартиры. Открыла ей мать Влада. Ирина натянуто улыбнулась, поздоровалась и отвела взгляд в сторону. Ей было тяжело смотреть в глаза тем, которые ее не выносили и неистово презирали, а при чужих непосвященных в семейную драму людях подло любезничали и обхаживали. Ольга Михайловна ловко и быстро выхватила маленькую Валюшку из розовой коляски и тошнотворно для слуха Иры заулюлюкала, на ходу снимая с нее крохотные теплые осенние вещички и показывая внучку гостям. Голова невыносимо кружилась, а каждая с трудом выдавленная из себя улыбка отбирала столько сил, будто Ирина на стройке таскала тяжелейшие двадцати пяти килограммовые мешки с плиточным клеем.

Оставленная в одиночестве женщина медленно сняла верхнюю одежду и пошла в ванную комнату. Женщина долго не выходила из небольшого тесного помещения, изведя на текущую по худым ногам тонкими струйками кровь половину рулона туалетной бумаги. Когда вышла, прошла в просторный зал, где был поставлен большой стол с разными угощениями и напитками. Все родственники и остальные гости уже сидели за ним. Она заняла последнее свободное место рядом со своим гражданским мужем. Весь вечер родители Влада шутили и общались с гостями. Ира охотно и весело отвечала, когда ее о чем-то спрашивали, стараясь оставить о себе счастливое и беззаботное впечатление. А сама боялась встать со стула, зная, что каждое даже малое движение усиливает ее женскую кровопотерю.

Когда вечер, наконец, закончился, гости начали прощаться и расходиться. Засобиравшись домой и она. Ирина поднялась из-за стола и почувствовала, как по узким джинсам расплылось тепло. Мельком увидела – по грубой плотной ткани разошлось огромное кровавое пятно. Она, незаметно прикрываясь руками, торопливо проскользнула в коридор и быстро накинула свою яркую куртку. Владислав Владимирович и Ольга Михайловна помогали ей, пока не разошлись последние гости одеть ребенка...

В автобусе Ира заметила, как кровь пропитала низ куртки. Она прятала это место за сумкой, чтобы никто из пассажиров не заметил такого стыда, а на ее глазах выступали не высыхающие горестные слезы...

- Куда ты собираешься? – недовольно спросил в один из последних октябрьских выходных дней Владислав.

- Записалась в бассейн с дочкой... Ей нравится... Она так смешно барахтается в воде у меня на руках... - осторожно, боясь возможной непредсказуемой реакции мужа, ответила она.

- Почему мне раньше не сказала? Почему я никогда ничего не знаю и все время не в курсе? – злобно пробурчал он.

Ирина не зная как ответить, только беспомощно пожала плечами.

- Я пойду с вами! – произнес он, - хочу побыть где-нибудь кроме этих стен со своей дочерью...

Неожиданно подобрел он. Такое с ним редко, но случалось. В нем иногда просыпалась нежность к малышке, но никогда к жене.

- Нужна справка...

- Какая справка?
- На посещение бассейна. От врача. Мы брали... - рассказала она.
- Ладно, я зайду в поликлинику. И давно ты ходишь в бассейн?
- Два раза уже ходила на сеанс, пока ты был на работе... - с опаской негромко ответила она.

Стало заметно – ее ответ уму не понравился, но Влад промолчал и молча стал смотреть рябящий телевизор, лежа на неуклюжем неказистом еще 60-ых годов диване. Как ни странно он сдержал слово, взял из больницы справку для посещения бассейна, купил плавки и резиновую шапочку для плавания.

В следующую субботу они втроем в первый раз куда-то пошли вместе. Дворец подводного спорта располагался на набережной, на левом берегу в двадцати минутах езды на маршрутке от их дома. Ира странно себя чувствовала. С одной стороны ей было приятно внимание мужа-тирана. С другой стороны она не знала как правильно себя вести, ведь он никогда даже в детскую поликлинику не ходил с ними, и поэтому смущалась и чувствовала себя скованно.

В просторном высоком холле они купили у администратора билеты, и пошли в разные раздевалки. Ира осторожно переодевала малышку в забавный крохотный цыпляче-желтый купальничек. Уже здесь пахло сыростью, свежестью, хлором и еле уловимым восторгом из детских воспоминаний, когда она точно также вплоть до школы ходила с еще не заболевшей алкоголизмом матерью в бассейн учиться плавать. Здесь почти все так и осталось, только некоторые помещения обросли дешевым отделочным пластиком, а в самой чаше бассейна добавилась небольшая зигзагообразная красная с синим горка. Когда она вышла из душевой в плавательный зал. Влад уже плыл по одной из дорожек. В хлористой жидкости плескались и взрослые с детьми, и шумные группки подростков. В огромном бассейне находилось не меньше пятидесяти человек. Ноги обжигал холодом разнотонный выложенный геометрическим узором коричневатый и голубой кафель. Ира боялась поскользнуться на мокрых поверхностях и уронить свою драгоценную малышку. Аккуратно спустилась на мелководную зону бассейна. Маленькая Валечка испуганно заплакала на ее руках, но как только коснулась младенческими ножками прохладной воды, успокоилась, даже негромко весело

засмеялась. Ирина тоже заулыбалась – для каждой мамы нет мгновения счастливее, когда радуется ее ребенок.

Влад долго плавал в противоположной стороне бассейна, игнорируя их. Только под конец сеанса он приблизился к жене и ребенку и взял на руки беззаботно барахтающуюся в воде дочку. Ира с опаской посматривала на него – она не совсем доверяла гражданскому мужу и боялась, что он не сможет проследить должным образом за их Валечкой.

- Пу-пи-пу, пу-пи-пу-у-у! – шутливо шушукал он с ребенком, впервые за полгода после рождения играя с ней.

Но молодая женщина не улыбалась, она с горькой грустью вспоминала, как муж даже не пришел в роддом на выписку и она в одиночестве с новорожденной дочкой на руках с пересадками на опостылевших грязных ПАЗиках добиралась домой...

Нечеловеческий оглушающий звонкой силой жуткий крик в середине чаши бассейна испугал их и заставил одновременно обернуться. Никто не понимал что происходит. У Ирины в голове промелькнули сразу несколько догадок: то ли кто-то тонул, то ли подростки, так несдержанно, не обращая внимания на окружающих, бесились, гоняясь друг за другом, то ли кто-то неудачно прыгнул с вышки и с высоты сильно ударился об воду, хотя до нее было далековато...

Казалось, весь плавательный зал перестал барахтаться и с нескрываемым жадным любопытством наблюдал за продолжавшим кричать человеком. Ира тоже невольно даже вытянула шею и с интересом смотрела в центр искусственного водоема. Несчастный продолжал биться в жидкости, крича уже не так сильно и пытаясь вырваться из крепкого захвата второго человека. Когда по поверхности воды быстро растворяясь, пошла дымка темно бурых кровавых пятен, Ирина перепугалась до смерти и сразу же бросилась к мужу и дочери. Выхватила у него Валю, крепко прижимая ее к себе и тяжело преодолевая сопротивление густой воды, как можно быстрее устремила к хромированной лестнице из бассейна.

На середине пути она обернулась. Влад, совсем не торопясь медленно, все время оглядываясь вокруг, отходил назад.

- Влад! Быстрее!! Выбирайся из воды! – не выдержала и закричала она ему.

- Дай посмотреть, дура!! – огрызнулся он, нездорово наслаждаясь жутким зрелищем.

В главном зале бассейна началась паника. Перепуганные посетители толпились в проходной у четырех узких лестниц, отпихивая друг друга. Ира боялась не выбраться из чаши бассейна, полные женщины по хамски не хотели пропускать ее с крохотным ребенком на руках и бесцеремонно как бронированные танки лезли вперед. Мокрые люди, выбравшиеся из воды поскальзываясь и падая, бежали к единственному полузакрытому выходу из высоко ярко освещенного помещения. Кто-то оказался сообразительнее и направился в душевые. Молодая мать, держа одной рукой ребенка судорожно хватаясь соскальзывающими пальцами за металлический поручень, наконец, выбралась из воды и побежала к выходу. Словно издеваясь над испуганной толпой, прозвучал громкий сигнал окончания очередного сорока минутного сеанса. У выхода уже толпились, полностью заблокировав его и образовав давку успевшие добежать первыми мужчины и женщины. Тогда Ирина побежала к двери в женскую душевую, но затем остановилась. С возвышенности бортов чаши она хорошо видела, что происходило в бассейне. Вокруг в разных направлениях хаотично проносился перепуганный персонал бассейна в белых халатах. Два широкоплечих тренера прыгнули в воду, что бы разнять сцепившихся на глубине посетителей.

Истекающий кровью человек неистово бился в воде, пытался отбиться от нападающего, то выныривая, то погружаясь и захлебываясь. Второй кусал его, отделяя целые куски плоти, рвал ногтями, заметно обдирая кожу. Кровавое пятно вокруг уже не растворялось... От ужаса увиденного у Иры после новой накатившейся волны страха ноги будто окаменели. Она только глупо, словно загипнотизированная повторяла одно единственное слово: « Сумасшедший, сумасшедший!» - переводила взгляд с дерущихся в собственной крови людей на явно противоестественно засмотревшегося на эту страшную картину, еще стоявшего по грудь на мелководье мужа и обратно.

Блондинка

– Уроды деревенские на чертовой гробине своей! Тоже мне служба спасения нашлась! – в бешенстве кричала Эллина чуть не столкнувшись с зеленой копейкой с шутливым транспортным госномером 911.

- Да не кипятись ты так! – пыталась успокоить ее сидевшая рядом подруга.

- Что не кипятись?! Мне эту малышку папа только недавно подарил!! – дрожащим от обиды голосом платиновая искусственная блондинка отозвалась о кроссовере цвета шампанского.

- Ничего... Отремонтировали бы - у Юрика недорого, - как обычно спокойно и уверенно ответила темноволосая с короткой модной стрижкой Вероника вспльщивой подруге.

- Куда мы сейчас? – и тут же перевела разговор в другое русло, чтобы поскорее забыть этот неприятный момент.

- На йогу... Потом в салон – я с Юлей уже договорилась. Приведем волосы в порядок и сделаем освежающий массаж... Затем в клубе посидим отдохнем... - поделилась их общими планами Эллина.

- В каком? – как будто это имело какое-то значение спросила не по возрасту привлекательная и полногрудая брюнетка, слушая и украдкой поглядывая за ток-шоу по tv для автомобиля.

- Новый, Макс сегодня открывает... не запомнила, как называется... в центре возле площади Ленина, - объяснила обладательница новенького Lexus, ловко обгоняя по обочине дороги смиренно стоящие в пробке автомобили.

- Отлично! Как твой иностранец? Крис не звонил? – Вероника снова поменяла тему разговора.

- Нет, - недовольно почти прошептала блондинка о своем очередном бывшем.

Остальную часть дороги девушки ехали молча.

Весь вечер прошел размерено, как они и планировали. Легкая непродолжительная тренировка сменилась приятными салонными элитными процедурами. Девушки мило и весело флиртовали с новым сексуальным тренером по фитнесу, общались с мастерами-стилистами, узнавая последние городские сплетни и свежие истории из жизни их общих друзей.

Эллина всегда возила с собой несколько комплектов одежды, на разные случаи жизни. Не обремененная ни какой даже легкой и кратковременной работой она заботилась только о своем внешнем виде, увлекалась курортными поездками и интересными вечеринками в родном провинциальном городе. До открытия новой модной тусовки оставалось несколько часов... «Может, пробежимся по бутикам сестры?» - предложила она Веронике. Та охотно согласилась – семья подруги была гораздо богаче ее собственной и Эллина часто дарила ей свои и совершенно новые платья, оплачивала их совместные посиделки в дорогих барах и кафе. Они объехали несколько открытых допоздна бутиков троюродной сестры и успешной бизнес-леди Марго Эллина и выбрали новые наряды. Эллина легко расплачивалась отцовской золотой пластиковой картой. Блестящие и сверкающие наряды, сапожки на высоченном почти 20-ти сантиметровом каблуке и совсем недешевые дизайнерские сумочки из последних европейских коллекций для предстоящей вечеринки были куплены. Девушка всегда носила только белое, и даже идя по черноземной липкой грязи, довольно часто встречающейся даже в центре города-героя, умудрялась остаться в абсолютно чистых белоснежных брюках и обуви.

Девушки заехали в маленькую, но уютную родительскую квартиру на 14-ом этаже с современным ремонтом в элитном доме с охраной на центральной улице, предназначенную для отдыха во время деловых поездок по городу и переоделись в только что приобретенные вещи. Освежили макияж и с трепетным ощущением весело проведенной ночи направились в собирающийся вот-вот открыться клуб «Crazy-Zone». «Я поеду на следующей неделе в Испанию на виллу к папе... Здесь уже холодно, а там солнце и купаться в море еще можно. Поедешь со мной?» – спросила Эллина Веронику, когда они еле ползли по вечно загруженным в рабочее время Кольцовской и Плехановской, а теперь перекрытым из-за какой-то аварии впереди. Она часто приглашала в небольшой испанский курортный городок друзей, а многим оплачивала даже билеты, и они никогда не отказывались, не отказалась и Вероника. Хоть и шел долгий ремонт – на вилле давно трудились несколько дизайнеров и художников, привезенных из VRN. Папа часто выгонял их, оставшись недовольным качеством услуг, и нанимал новых. Казалось – она знает уже всех архитекторов своего родного города. У отца

Эллины, занимающего важную далеко не последнюю должность в администрации города в Испании была не только вилла. В личном небольшом доке стояла собственная двухуровневая яхта, в гараже два итальянских кабриолета, а нанятый топ-менеджер тщательно присматривал за купленным ресторанным бизнесом. Эллина не ограничивалась скромным отдыхом на вилле, посещала модные вечеринки, бутики и салоны Барселоны и Мадрида. И уже неплохо знала испанский разговорный. Только в этом году Эллина получила диплом эколога в местном лестехе, не пожелав сильно перенапрягаться и получать престижное европейское образование. Но работать по специальности ей было не интересно. Предпочитала другое важное занятие – пыталась знакомиться с богатыми и знаменитыми в Испании молодыми людьми.

- Приветик! Милашки! – радостно застонал высокий легко одетый крашеный в блондина молодой человек, когда встретил их.

- Привет-привет! – девушки с удовольствием обменялись с ним легкими дружескими чмоками в губы.

Он был геем и обожал различные тусовки, было не удивительно, что он здесь находился – Тимми не пропускал ни одного модного события в VRN. Работал стилистом в шикарном салоне красоты и весь свой не гигантский, но приятный доход тратил на шмотки и подобные увеселительные мероприятия для золотой молодежи. Вероника и Эллина называли его гей-подружкой, часто проводили время вместе на различных вечеринках и старательно прислушивались к его советам «то, что в тренде». Сам Тимми для молодого человека выглядел довольно необычно. Его лицо всегда было покрыто густым слоем косметики, а кожа имела апельсиновый оттенок из-за постоянного посещения салонов для загара. В создании своего образа он не мог обходиться без накладных ресниц, страз и блесток, коротеньких шортиков и розовых маечек, тяжелых золотистых браслетов и ярко покрашенных ногтей. Этого странного парня родители наградили казавшимся ему просто кошмарным именем Василий. Он жутко стеснялся этого имени и представлялся всем не сложным псевдонимом – Тимми.

В клубе отрывалось полно народу. Мимо проносились лица разных людей, не смотря на еще раннее для разгара тусовки время, пребывающих в разных трезвых и простимулированных, алкогольными и наркотическими средствами, состояниях. С

некоторыми она здоровалась – они были ее знакомыми. Привезенный из столицы знаменитый и в клубных кругах, и в телевизоре ди-джей руководил закрытой вечеринкой. По слухам даже ожидалось выступление какой-то заграничной звезды. Какой точно никто не знал – владелец заведения держал это в секрете.

Вероника, Тимми и Эллина прошли в VIP-зону. Заказали коктейли и кальян. В этом зале было намного тише, чем во всем клубе и располагалось всего шесть удобных столиков с криволинейными кожаными диванами. Тимми и девушки быстро обменялись последними сплетнями.

- Вы знаете, кто сегодня здесь будет?! – округлил глаза их гей-приятель.

Эллина и Вероника заинтересованно прислушались.

- Баснословно богатенькие аристократы из Европы, два брата, высокие красавчики, я бы и сам проявил к ним внимание, но они натуралы...

- Кто они? – Эллина с сильным любопытством в голосе пыталась добыть из Тимми больше информации о загадочных молодых людях.

- Никто точно, конечно же, не знает, но я слышал, что они как раз приехали на этой неделе с отцом по деловым вопросам. У них здесь намечается крупный бизнес, заводы... Сейчас вовсю идут переговоры с администрацией области... Хотят открыть несколько предприятий, уже реставрировали старинную усадьбу и хотят восстановить полуразрушенный замок принцессы Ольденбургской, принадлежащей к древней немецкой фамилии, в Рамони... Ну и Саша Орт... помнишь его? Обещал привезти их сегодня сюда и развлечь таких важных персон, показать ночную жизнь города. Он у них давно переводчиком работает, не зря диплом в ВГУ получал, - интриговал девушек молодой человек.

- Из какой они страны?

- Кажется французы!

- А не немцы? Зачем им тогда замок немецкой принцессы? – удивилась Эллина.

- Ну не знаю! Саша Орт владеет несколькими языками, и французским, и немецким...

- Прекрасно! Еще и брат есть! - оживилась вечно остающаяся на вторых планах Вероника.

- Как это сексуально! – жеманничала Эллина, игриво поглаживая свои шелковистые почти белые средней длины локоны, - странно,

почему папа мне ни чего не рассказывал об этих инвесторах – он должен быть в курсе!

- Да! Обещаю вас им представить! – кокетничал Тимми.

Подруги заказали еще по порции слабоалкогольных коктейлей, курили тонкие, но крепкие дорогие женские сигары и в напряжении ожидали появления незнакомцев. Из всех сил пытались отвлеченно шутить и вести себя друг перед другом непринужденно. Смотрели стандартную для открытия клуба шоу-программу, состоящую из модного показа одежды и нижнего белья, выступления танцоров со стильными акробатическими трюками.

- Вот и они! – громко выкрикнул Тимми, после несколько часового внимательного взглядывания в толпу людей, хаотично передвигающихся по клубу.

- Пойду, поприветствую Сашу и приведу их всех за наш уютный столик! – выгадав время, что бы гости успели освоиться в развлекательном заведении, весело подмигнул он Веронике и Эллине.

Девушки старались незаметно рассматривать троих молодых людей, только что появившихся на тусовке. Эллина сразу определила кто из них переводчик, а кто иностранец. Братья были совсем не похожи друг на друга. Один в нарочито небрежной мешковатой по последней европейской тенденции в серовато-темных тонах одежде, с не выбритым лицом и прической слегка уложенной косметическими средствами. Другой длинноволосый с аккуратным небольшим хвостиком в строгом деловом костюме. Вместе они смотрелись и контрастно и органично одновременно. Эллина, предпочитая мужчин в возрасте только не могла понять кто из них был старше другого. Вероника и Эллина еле сдержали обрадованный возглас, когда незнакомцы сели за их столик. Подружки быстро выяснили - Леон и Йонас все же приехали не из Франции, а из Германии.

Эллина неплохо знавшая английский на уровне разговорного сама непринужденно общалась с Йонасом, старшим из братьев. Ей очень понравился мужественный высокий молодой человек, чувствовалось – он так же симпатизировал красивой Эллине. Веронике же пришлось довольствоваться скуными скучными фразами через переводчика. Леон по неизвестной причине явно не охотно отвечал на ее вопросы. Иностранцы сначала вели себя довольно скованно, но затем раскрепощались все больше и

больше. Вскоре вся подвыпившая компания уже немного за полночь вышла из клуба.

Не употреблял алкоголь только Александр – он был на работе, поэтому сел за руль черного внедорожника, арендованного специально для Леона и Йонаса. Эллина часто водила автомобиль после бурных вечеринок в затуманенном состоянии, и хоть и съехала недавно на своей Mazda CX-7 в кювет так, что машина больше не подлежала восстановлению, не побоялась взять управление новеньким Lexus и в этот раз. Не опасались сесть вместе с ней в один автомобиль Вероника и Тимми. Компания после шумной тусовки решила прокатиться за городом, а продолжить веселье в усадьбе иностранцев. Первым тронулось авто с Сашей, Йонасом и Леоном, за ними последовали Тимми, Эллина и Вероника. Машины быстро оказались на загородной трассе. Внедорожники с сильно разгоряченными алкоголем и адреналином людьми, на огромной скорости обгоняли друг друга и другие, редкие в столь позднее время транспортные средства. Вероника высунулась из люка на крыше, громко и радостно кричала, размахивая тонкой бутылкой с горячительным напитком в порыве перевозбуждения, с трудом вдыхая свежий и холодный удушающий на такой большой скорости осенний воздух. Оглушающая музыка из обеих машин сильной вибрацией разносилась вокруг. Новоиспеченные друзья отдалились от города так сильно и так много петляли по узким и промежуточным дорогам, что Эллина перестала ориентироваться в местности и боялась отстать от Александра, Леона и Йонаса.

- Черт!! Я хочу в туалет! – совсем не вовремя пожаловалась Вероника.

- Я сейчас позвоню Саше, что бы он притормозил! – странно похихикивая, откликнулся Тимми.

Мчавшаяся впереди машина замедлила свой ход, и вскоре совсем остановилась. Lexus немного петляя от выпитого водителем, затормозил неподалеку. Вероника быстрым шагом направилась в густую хвою возле обочины. Ее тонкое сверкающее и искрящееся гламурное серебристое платье было хорошо заметно в темноте в рассеянном свете фар, и она старалась зайти в глубь леса как можно дальше. Когда она вернулась, стряхивая с себя пожелтевшие листья, травинки и цепкие тонкие игольчатые веточки, то с удивлением обнаружила – автомобиля с иностранцами не было.

- Где они? – озадаченно спросила она у Тимми и Эллины, тяжело забираясь на высоких каблуках на заднее пассажирское сиденье.

- Пока ты лазила по лесам, они почему-то резко сорвались с места и уехали, ни чего не сказав! А я не могу дозвониться до Орта – он отключен! – пожаловался Тимми.

- Ты знаешь, где находится их усадьба?

- В том-то и дело – нет!! Только то, что где-то по московскому направлению... - ответил он.

- Твою же мать! Они кинули нас и просто сбежали! Неужели мы такие отвратительные, что от нас нельзя было по-другому отделаться?! – в сердцах раздосадовано вскрикнула Эллина и сильно расстроенная негромко заплакала.

Тимми, сидевший рядом, принялся ее успокаивать и уговаривать.

- Где же мы находимся? – не обращая на них внимание, шептала себе Вероника.

- Включи навигатор! – озвучил неплохую идею Тимми.

- Какой навигатор?? Даже для VRN нормальных карт нет!! – огрызнулась блондинка.

- Позвони водителю отца – пусть заберет нас отсюда!

- Вероника, ты совсем дура?! Как я ему объясню, где мы, если сама этого не знаю?? Тем более он обо всем напутит папе... Мне в прошлый раз за Mazda и так от него предостаточно досталось – врагу не пожелаешь... Что же нам делать? Может они вернуться, а уехали ненадолго по какой-нибудь уважительной причине? – с надеждой в голосе спросила она у друзей.

- Давай подождем... - согласился и не стал разубеждать ее Тимми.

Они простояли у обочины почти час, но Йонас, Леон и Александр не возвращались. Эллина вышла из Lexus, думая, что ей удастся остановить встречу, но за это долгое время не проехала ни одна машина. Совсем продрогнув, она вернулась в свое теплое авто с включенным двигателем и фарами.

- Может, уже поедет? Хотя бы просто в обратную сторону, откуда приехали, - непривычно хныкала, видимо под воздействием алкоголя, всегда спокойная Вероника.

- Хорошо, поедет... - согласилась с ней Эллина.

- А ты помнишь куда ехать? – спросил Тимми.

- Нет... - после недолгого раздумья ответила девушка.

Она не сразу смогла развернуться на узкой дороге и, внимательно вглядываясь в окружение в ярком дальнем свете фар, медленно поехала, как она считала обратно в город. Долго

путалась в перекрестках, узнавая лишь некоторые, то бездумно сворачивала, то петляла по проселочным дорогам, а потом тоже, как и Вероника, совсем сдалась и горько заплакала о бессилии. Тимми изо всех сил безрезультатно успокаивал подруг. Потом он вспомнил, что в их багажнике лежит постоянный запас дорогого, заготовленного на «всякий случай» самой Эллиной игристого вина. Достал одну бутылку, со звонким хлопком откупорил ее прямо из горлышка, поил девушек шампанским. Алкоголь быстро сделал свое дело, все сразу же повеселели и теперь только смеялись над этой нелепой неудачей, над странным знакомством с оказавшимися подлецами немцами. За первым «волшебным сосудом» последовал второй и третий.

- Нам надо найти какую-нибудь деревеньку и там выписать себе проводника! – заплетающимся языком, захлебываясь от перенапряженного нервного смеха снова и снова повторял Тимми.

- Тогда в путь! – тоже засмеялась Эллина и нажала на газ.

- Вон там!! Я вижу, за деревьями! Огни! – неожиданно закричала Вероника, перебивая громко звучащую музыку.

Они на большой скорости свернули на незнакомую грунтовую дорогу рядом с пустынным полем. Внезапно колеса тяжелой машины соскользнули по водянистой октябрьской грязи с проложенной колеи, и грузный хоть и мощный автомобиль крепко, по днище, увяз в черноземной раскисшей от сырой погоды густой земле. Сколько Эллина не буксовала, пытаясь вырваться из ловушки, городской кроссовер плотно сидел новеньким пузом в жиже.

- На хрен!! Что за ночь такая сегодня?! – расстроено, выругалась она.

- Не паникуй - сейчас вытолкаем! – заверил ее Тимми.

- Кто вытолкает? Ты что ли? Думаю, даже у меня это лучше получится... - огрызнулась Вероника.

Молодой человек молча выпрыгнул из салона. Эллина приоткрыла дверь и с улыбкой наблюдала как он, увязая по щиколотку в грязи, пытается толкнуть машину. Как ни странно этого у него получалось, и девушки чувствовали, как Lexus приходил в ритмичное движение.

- Газуй!!! – слышали они неестественный от сильной физической нагрузки голос гей-подружки.

Эллина сначала осторожно давила на газ, а затем и вовсе утопила педаль в пол, но сильно раскачиваясь, автомобиль все равно оставался на прежнем месте.

- Да едь же ты, сволочь!! Хватит! Все... - обессиленный Тимми прекратил тщетные попытки освободить из западни машину и подошел к двери, за которой сидела Вероника.

Она опустила стекло и, похихикивая, рассматривала сильно перепачканного летящей из-под колес грязью друга.

- Что, смешно? Я за тобой пришел... пошли толкать вместе, - прекратил ее смех он.

- Как же я пойду - я на каблуках и в платье, - попыталась от него отбиться девушка.

- Ничего, как-нибудь справишься... - убедительно произнес Тимми.

Вероника с надеждой посмотрела на Эллина, но та лишь согласная с решением Тимми закивала, и она тихо выругавшись, вышла. И снова после тщетных попыток обозленной компании машина осталась на месте. Эллина недолго сомневалась и вытащила из модного белого клатча мобильник, собираясь набрать номер Миши - водителя отца, и попросить его о помощи.

- Блядь... - в сердцах сорвалось с ее блестящих губ, когда она увидела, что телефон полностью разрядился.

Девушка продолжала нажимать на педаль газа при каждом толчке, когда Тимми и Вероника пытались освободить автомобиль из ловушки, и нервно копалась в бардачке в поиске зарядного устройства. Не сумев его найти, она в ярости со всей силы отбросила мобильный, разбив стекло передней пассажирской двери. По нему пошли две большие и несколько мелких трещин. Телефон рассыпался на несколько частей и упал под сидение. Услышав звонкий стук, Вероника и Тимми вернулись в салон кроссовера. Они молча посмотрели на треснувшее стекло и обломки мобильного на сиденье. На новых сапожках Вероники крупными жирными комками налип чернозем, и ноги в тонких незаметных чулках до колен были забрызганы грязью, так сильно рвавшейся из-под колес. Не был чистым и Тимми - грязь осталась на руках и правом плече.

- Все бесполезно! Мы и ветки уже подкладывали и камни с обочины... Мне одному не справиться. От Вероники ни какого толка, только с ритма зря сбивает. Нужно идти в деревню, - наконец произнес Тимми.

- В какую деревню? – озадачено переспросила Эллина, предчувствуя что-то нехорошее.

- Ну, как в какую?! Мы зачем сюда свернули?! – взвизгнул он в ответ.

- Туда пойдет Эллина, - спокойно сказала все время молчавшая до этого Вероника.

- Почему я?! – недоброе предчувствие подтвердилось.

- Мы толкали – надрывались. Я - на высоченных каблуках сильно подвернула ногу и хромаю. Он - единственный сможет отбить тачку от гопников. Ты же не хочешь в этой дыре остаться совсем без машины? Значит, теперь тебе идти, тем более здесь недалеко, не потеряешься - не дрогнувшим голосом объяснила брюнетка.

- Но-о... меня... там могут избить... ладно, я схожу... - Эллина сама не зная почему, согласилась.

Когда девушка вышла с нее сразу же в лужу слетели белые меховые ушки. Она хотела их поднять, но передумала, не желая пачкать тонкие ухоженные руки. Тяжело вздохнув, потуже кутаясь в легкий кожаный белый плащик, поплелась по нечеткой плохо накатанной проселочной дороге по направлению к виднеющимся за лесом кривоватым жилым постройкам.

- Радио больше не ловит, - пожаловалась гей-подружке Вероника.

- Оно здесь скорее всего никогда и не ловилось, - загадочно посмеялся он.

Тимми вышел из машины и не найдя в багажнике запаса чистой воды принялся отмывать руки шампанским.

Нетерпеливо посматривая на усыпанные брильянтами часики, Эллина знала, что идет всего пятнадцать минут. Но эти минуты казалось ей, тянулись бесконечно и мучительно долго. Первый дом, вставший на ее пути, был сгоревшим. Черные обломки, тускло освещенные лунным светом, пугающе стояли в ночи. Девушка, морщась от отвращения и медленно нарастающего страха, ускорила шаг. В следующем в окнах горел свет. Она уже собиралась войти в калитку покосившегося невысокого сделанного наспех забора, как словно из-под земли с громким лаем выскочила грязная немытая псина. Блондинка в испуге отпрянула. Средних размеров собака яростно бросалась на дрожащий под тяжестью ее тела забор. Эллина, боясь, что она все-таки сможет его перепрыгнуть, быстро пошла дальше. Осторожно заглянув в третий двор и убедившись в отсутствии бешеной живности, она

смело перекинула руку, нащупала и открыла хлипкую щеколду. Дверь легко отворилась. Девушка прошла по неубранному от ненужного хлама двору к дому и постучала в светящееся окно с давно нестиранными занавесками в крупный горошек. Только на четвертый настойчивый и более громкий стук послышались шаги. Дверь открыл жутковатого вида мужик.

- Здравствуйте! Помогите нам машину вытолкать... мы здесь застряли неподалеку,- запнувшись от шока, медленно выговорила она.

- Зайди...

Девушка с неохотой, но поднялась по скрипучему крыльцу и вошла в дом.

- Так что там у тебя, рассказывай, - шепеляво произнес небритый мужчина в старой бесформенной одежде, с отмороженными, отнятыми хирургом пальцами на одной руке.

- Мы с друзьями заблудились и застряли в яме у поля... Я бы хотела найти людей, что бы вытолкали нашу машину... за деньги, - рассказывала она, с широко раскрытыми от отвращения глазами, рассматривая черные пятна грязи от рук вокруг выключателей на ободранных обоях и прогнившие до дыр половицы.

Неожиданно выскочившая из пола серая мышь заставила Эллину вскрикнуть.

- А ну не ори! Один вытолкаю еще делиться с кем-то...

Мужик, представившийся Василием объяснил, что так быстрее в высоких резиновых сапогах шел прямо через поле. Эллина, не зная как поступить по-другому, с трудом семенила вслед за ним. Ей было тяжело переставлять по неровной перепаханной земле ноги в обуви с высоким каблуком. Как и должно было случиться, она споткнулась и упала в сыроватую землю. Колени и локти легко увязли в плодородной почве. Вася даже не обернулся. Радуюсь тому, что ее хотя бы не ограбили или не изнасиловали в этом далеком селе, она поднялась и покорно поплелась за ним.

Открыв дверь Lexus, Эллина с удивлением обнаружила, что ни Вероники, ни Тимми в нем не было. Она озиралась вокруг, но друзей ни на дороге, ни в зарослях ближайшего леса не увидела. «Где они?! Неужели бросили меня и уехали с попуткой?» - беспокойно бились мысли в ее голове.

- Где приятели-то твои? – не скрывая странную усмешку, спросил деревенский мужик.

- Сейчас подойдут. Они тоже за подмогой пошли, - не моргнув глазом, соврала она.

- Давай толкать, - видимо озабоченный получением денег сразу же заторопился Василий.

Девушка села за руль и еще полчасика попыток вытолкать машину завершились безрезультатно. Lexus перестал подаваться вперед под усилиями мужчины, и через минуту он открыл дверь и сел на переднее пассажирское сидение. На всякий случай Эллина зажгла в салоне свет.

- Деньги давай, - буркнул он.

- Вы же не вытолкали машину! – не совсем к месту уважительно ответила она.

- Ну и что?! Я же работал!

Блондинка, отвернувшись в пол оборота, покопалась в сумке и достала пятисотенную купюру. Мужик одобрительно закивал головой, взял деньги, но не уходил.

- Как будешь отсюда выбираться? – с хитрой загадочной ноткой в голосе поинтересовался он.

Девушка молчала, не зная, что ответить и не понимая, куда собеседник клонит.

- Пойдем ко мне! Переночуешь там, ты красивая... У соседа есть домашний телефон, можешь сходить к нему позвонить. Мобильные здесь плохо ловят – я же знаю. Дашь ему поддержать себя за нежные места и все! Это все что ему и нужно! А здесь туберкулезники все время лазят за водкой в наш ночной магазин... неподалеку их больничка... зачем тебе это все, пошли...

Эллина отвернулась от него и только тихо всхлипывала – к горлу подступал комок, а на глазах наворачивались слезы.

- Молчишь... Не пойдешь значит... - произнес и наконец вылез из салона машины.

Девушка горько разрыдалась и выключила свет. Видела, как Васька отдаляется от ее автомобиля. Судорожно думала, что ей теперь предпринять, как поступить... Тело и руки неприятно дрожали от усталости, морального перенапряжения и просто от чрезмерно выпитого алкоголя. Немного успокоившись, она засмотрелась в зеркало заднего вида, подтирая длинными пальцами растекшуюся под глазами тушь. На часах высвечивалось 3:27 утра. Так недалеко было и до рассвета. Эллина надеялась, что Тимми и Вероника приедут за ней вместе с эвакуатором, но они так и не появились. Включила автомагнитолу и нашла на какой-то

волне единственный шипящий и поскрипывающий сигнал. Через помехи радостно пробивалась песня из мультфильма «Бременские музыканты» «Солнце взойдет».

Резко открывшаяся дверь сильно испугала ее. В душе прошел леденящий холод страха. Она сильно пожалела, что забыла заблокировать двери после ухода Васи. Он вернулся и опять уселся рядом.

- Может, все-таки пойдешь? – опять «запел он свою песню».

- Да пошел ты!! – не выдержала измотанная переживаниями девушка.

- Что ты сказала?! – рассвирепел мужик, левой рукой с целыми пальцами схватил ее за волосы.

Она ловко выхватила из-под сиденья давно хранившийся там лак для волос, извернулась и обильной струей направила его в лицо мужчины.

- Чертова сучка! – застонал он, отпустил ее волосы и схватился за обожженные глаза.

- Ты знаешь, кто я??? – девушка окончательно перешла на «ты».

- А мне все равно кто ты, я порежу тебя и твой прекрасный труп в нашей дыре, никто и никогда не найдет!

- Он меня найдет! Папа найдет! В машине стоит спутниковое слежение... - ее слова прервал подозрительный удар по корпусу автомобиля.

- Что это? – забыв про угрожающего ей Ваську, словно сама у себя спросила Эллина.

Удар повторился. Стал сильнее и ближе к водительской двери. Сидящие в машине в недоумении затаили дыхание. Девушка посмотрела в окно, но никого не увидела – сильно мешала ночная темнота. Вдруг ее дверь резко распахнулась, и они увидели искаленного человека. Он тяжело хрипел, еле стоял на коленях, держась за автомобильную дверцу. Его лицо было разбито, сплошные кровоподтеки и припухлости не давали определить его возраст. Одежда на нем, изорванная и грязная висела клочьями, обнажая почерневшую грудную клетку. Эллина не знала о чем и думать: «Кто этот человек? Явно не Тимми... Откуда он здесь и что с ним случилось? Он попал в автоаварию и шел в этой безлюдной местности за помощью?».

Луч солнца золотого тьмы скрыла пелена.

И между нами снова вдруг выросла стена.

Ночь пройдет, наступит утро ясное.
Знаю, счастье нас с тобой ждёт.
Ночь пройдет, пройдет пора ненастная.
Солнце взойдёт...
Солнце взойдёт...

Еще не закончившаяся песня Трубадура, теперь звучала как издевка. Минуту они смотрели друг на друга, пока израненный мужчина не закатил налитые кровью глаза и жутко не закричал. Его лицо еще больше исказилось и перестало быть человеческим, ряды полу выбитых окровавленных зубов словно искали пищу. Одной рукой он схватил девушку за край платья. Она громко завизжала и увидела, как Василий выпрыгнул из машины и со всех ног побежал прочь. Эллина с максимально возможной силой отталкивала накинувшегося на нее странного человека ногами, била его по лицу, стараясь тонкой шпилькой попасть в глаз. Но он не отпускал платье, вцепившись в него мертвой хваткой. Она переползла на сиденье рядом, продолжая отбиваться, а сама плохо слушающейся от страха рукой, судорожно шарила в бардачке. Искала только недавно приобретенный травматический пистолет, но искомый предмет все не попадался. Наткнулась на длинную пилку для ногтей. Крепко схватила ее и вонзила в глаз нападающего. От боли человек сильно вздрогнул и, оторвав от подола большой кусок, упал рядом с машиной. Воспользовавшись удачной ситуацией, девушка захлопнула все двери и заблокировала их. Пытаясь отдышаться после борьбы и от все нарастающего и захватывающего ее сознание ужаса, она вновь стала копаться среди беспорядка в бардачке. Вскоре на самом дне травматика была найдена. Перепуганная Эллина нервно озиралась, стараясь рассмотреть, что происходит за стеклами кроссовера. В слабо пробивающемся рассвете заметила нечто лежащее посреди поля и склонившегося над ним человека. Она догадалась – лежал Васька, а бросавшийся на нее человек или кто-то другой срывал с него одежду и рвал ее на куски. Она отбросила травматический пистолет на заднее сиденье, а сама не мешкая, пересела на водительское место. И еще раз попыталась вырваться из земляной ловушки. Утопила до пола педаль газа. Мотор взревел, а колеса оглушающее засвистели. Машина пошла юзом, накренясь то в одну, то в другую сторону и неожиданно вырвалась из западни.

Эллина прибавила скорости и помчалась прочь от этого неприветливого и опасного места. В боковое зеркало она увидела – в яме, где только что стояла машина, лежал тот самый напавший на нее то ли сумасшедший, то ли находящийся в шоке после аварии человек. Скорее всего, его тело попало под одно из больших колес золотистого внедорожника и помогло тем самым выехать с крутой обочины.

Потерявшиеся

Моросил словно пыль дождь, превращая и без того депрессивное небо в пасмурное сырое варево, плотно окутавшее город.

- Как меня бесит такая погода! – пронудел сквозь зубы Конь.

- Да, осе-е-ень, - подхватил Панк.

- Хватит скулить! Сейчас чем-нибудь дохонимся. У меня с самого утра нос чешется! – оборвал его Кривой.

- Расскажи-ка мне, на что это мы догонимся?! Кривой, который совсем не кривой... Бабла ни у кого нет, - огрызнулся Конь.

- Если чешется – значит, что-то обязательно подвернется, проверенно ходами, - Кривой немного помолчал и добавил, - Конь тоже совсем не конь...

- Да нет Конь еще тот конь, а вот ты, блин, не кривой! – рассмеялся Панк, поскользнулся и еле удержал равновесие, - Блин, я на грибе поскользнулся!

- Где ты его в хороде нашел? – удивился Кривой.

- А он вставляет? а то мы его подберем...

- Вот, блин, что-то и подвернулось, прям как ты и говорил, блин! – еще громче заржал Панк.

- Может, хватит блинами разбрасываться, закидал уже все, - обиделся Кривой.

- Может, ты тогда ХЭкать перестанешь?

- Хавно, - передразнил его местную манеру произношения Конь.

- Хватит стебаться не смешно вообще...

Трое давно бесцельно бродили по улицам VRN. Молодые парни несолько лет назад окончившие школу, и ни куда не поступившие не работали и ни чем полезным не занимались. Так они изо дня в день настойчиво убивали время своей недолгой жизни.

- Смотри, смотри!! Школота идет, - резко остановился Кривой.

Они ускорили шаг и скоро нагнали в тихом дворе двух подростков. Кривой подкрался к ничего не подозревавшему, медленно идущему и увлеченно что-то рассказывающему своему другу, парнишке в синем дутом пуховике и схватил его за рюкзак. Школьник от резкого рывка еле удержался на ногах и испуганно обернулся. Кривой силой успел сорвать с его плеч сумку.

- Отдай... - не громко и робко вскрикнул мальчик лет одиннадцати.

В это время к ним подошли Панк и Конь. Ребята беспомощно озирались вокруг, но двор как назло был пуст. Не было ни одного

прохожего, только стая бездомных псов грызлась возле сваленных мусорных баков, да гроздь ворон рассеявшихся на высоких раскидистых тополях с интересом наблюдала за происходящим.

- Ну что школата! Мобилки сами отдадите или бить придется? – с улыбкой поинтересовался Конь.

- Сами... - неохотно, видимо со знанием ситуации, буркнул второй подросток.

- Вот и чудненько, - хищно заулыбался Панк, обнажив оскал с недостающими двумя верхними передними зубами, которые он сломал не в драке, а, напившись до бессознательного состояния, глупо упал лицом на показавшийся ему в тот момент бетонным, край унитаза.

Подростки порылись в карманах курток и джинс и достали свои мобильные телефоны. Кривой ловко взял их. Подбрасывая на ладони один, словно прикидывая сумму которую можно за него выручить, просто сказал: « Ну, а деньхи?!»

Ребята быстро еще раз зашуршали по карманам и безропотно отдали грабителям смятые купюры и звенящую мелочь.

- Мододцы! – довольно одобрил произошедшее Кривой и отдал мальчику его рюкзак.

Панк, Кривой и Конь быстро без лишней паники и суеты удалились из двора, словно ничего и не произошло. Кривой, частенько смотрящий «Дежурную часть» по каналу «Россия», уже успел выбросить симки из добытых мобильных.

- Я же ховорил, обязательно что-то подвернется. Даже вечера не пришлось ждать. Сейчас заскочим к Тарасычу, сбхрим добычу. Нос-то как зудит, - Кривой, похихикивая, уже пять минут беспрерывно тер лицо.

- Да-а-а, блин... Нос – алмаз, - пошутил Панк.

- Алмаз, алмаз... На что нам этих копеек хватит? На bottle портвейна «777» что ли? Даже один дозняк не купишь... - прозудил в ответ Конь.

- Сейчас все будет! Нос чешется не на один bottle! – не теряя надежды, убедительно заверил друзей Кривой.

- Холодает как-то, мороз, что ли ударил...

Они долго шли по дворами и преулкам. Привыкнув бесцельно целыми днями шататься по улицам, они легко преодолевали большие городские расстояния, не замечая усталости. Спешно забежав в одиноко торчащую посреди частного сектора 10-ти этажку, они позвонили в неприметную железную бардовую дверь

скупщика. Тарасыч открыл не сразу, долго ковыряясь и грохая чем-то в квартире.

- Доставай свой телефон, - как бы, между прочим, сказал Кривой Панку, показывая свеженькую добычу скупщику.

- Это еще зачем?? – удивился тот.

- Продадим шас...

- На хера же, блин, мой телефон продавать-то??

- На хера, на хера... Я вас долго на свои угощать буду? На прошлой неделе дозы покупал, позавчера поил. Думаешь, у меня телефон остался – захнал я его давно. Конь тоже давно продал, теперь и ты продавай... - разозлился он.

- Мда? А куда я сегодня утром Коню смску отправлял? – возмутился парень.

- Сеструхин это мобильный. Воспользовался только что бы о встрече договориться... - вмешался третий закадычный друг.

- Ла-адно, - неохотно согласился Панк.

- За такой телефон я дам только сотню, - мгновенно приценился Тарасыч.

- Всего 100 рублей?? Мне его батя, блин, за четыре штуки покупал... - возмутился было он, но перехватив напряженные взгляды друзей, не говоря больше ни слова, отдал мобильник скупщику.

Выручив за все телефоны 2100, друзья забежали в продуктовый магазин, находящийся на первом этаже этого же здания. Крохотный отдел, насквозь пропахший залежавшимся сырым мясом, был пуст. Только одна полноватая продавщица в замызганном синем торговом халате копалась в витрине с сырами и колбасами. Компания на все деньги с ограбления купила много дорого крепкого и слабоалкогольного спиртного. Набив бутылками до верху рюкзак Панка, они с радостным позвякиванием за плечами вывалились из магазина.

- Вы видели, как продавщица сыр трескала? – спросил уже на улице Конь.

- Какой сыр?

- Да этот... сыр-косичка. Я первый же зашел, смотрю – она его тянет за нитки эти сырные, аж голова назад дернулась, когда оторвала... и обратно его в витрину положила!

- Блин, не буду больше его покупать никогда, если только он хорошо не упакован! Его, наверное, все продавщицы от нечего делать жрут! – поморщился Панк.

- Можно подумать ты его когда-то покупаешь! – подловил его Конь, - дома в коммуналке твоей ни черта нет – все уже вынес, ешь один хлеб...

- Ну почему, мы с соседом, когда его инвалидские получили, покупали недавно под пивасий, - обиделся Панк.

- Странная эта тетка. Который раз ее здесь вижу. И все время с этой огромной спортивной зеленой сумкой. Как будто она там куски трупов носит, - негромко произнес Кривой вслед не молодой высокой женщине с начесом из полу длинных некрасиво обесцвеченных волос.

- Может она в качалку ходит – кеды в ней таскает. В спортивном костюмчике не просто так... - высказал свое мнение Конь.

Друзья забрели в ближайший заброшенный многоквартирный дом. Таких старых двухэтажных строений в центре VRN еще много. Они блуждали по нему, подыскивая подходящее укромное место.

- Домишко-то Петровских времен, смотри какой аркой подвал! Свод и стены из старинного нестандартного кирпича!

- Зацените, трубу как прорвало...

Они долго рассматривали хлеставшие потоки центрального отопления. Дом был брошен не так давно, еще сохранились не разворованные добротные оставленные жильцами вещи – мебель и даже старые семейные фотографии. Кипяток из проржавевшей трубы лился со второго этажа, остывал и обрастал льдом от первых еще не сильных заморозков. Лед причудливыми наростами спускался по деревянной хлипкой подъездной лестнице и витиеватой дорожкой выходил на улицу. Друзья отхлебывали из горла, алкоголь не закусывая, и рылись в брошенных вещах.

- Зырь – совковый значок дружинника. У моего отца такой был. Из детства... А вот олимпийский мишка из начала 80-х на фотке. И такой у меня тоже был...

- Блин, что за вонь?! – удивился Панк и пристально вглядываясь в стену с отбитой плиткой, произнес: «да, здесь все в пруссаках!»

Панк и Конь удивленно рассматривали толстый плотный слой давно передохших тараканов между кирпичной стеной и какими-то непознаваемыми декоративными стеновыми панелями – ими была обшита вся комната.

- Как тут люди-то жили...

- Пацаны!! Тащитесь сюда! – прервал Коня озадаченный возглас Кривого. Панк и Конь вышли из небольшой замусоренной темной комнаты, и пошли по длинному коридору на голос.

Когда они зашли в просторное помещение то увидели в дальнем углу проходной комнаты человека, лежащего на грязном матрасе на полу. Они заинтересованные подошли ближе. Незнакомец лежал лицом к стене со спущенными брюками и голыми ягодицами. Это был какой-то бомж, ночевавший здесь, и он был мертв.

- Че у него жопа голая?

- Незнаю, может, кто трахнул его или посрать в углу собрался и умер...

- Да-а, вот это ты пошутил – посрать собрался и умер.

- Замерз он пьяный в хавно.

- Не крещенские морозы еще чтобы замерзнуть, - предположил Конь.

- Точно! Убили его!! Надо в соседние дома постучать, чтобы Ментов вызвали.

- Каких Ментов?! Чтоб и нас за храбежи зашкурили заодно?! Еще и трупак на меня этот повесят! – разозлился Кривой.

- Пора отсюда сваливать, - подытожил Конь.

Они в спешке допили оставшуюся в последней бутылке горячительную жидкость и выбросили ее в дальней комнате на кучу зловонного хлама. Оставшуюся часть дня молодые люди трезвея, плутали по улицам в поисках любой наживы, но ничего упорно не подворачивалось. Город быстро захватила ночная темнота. Холод усиливался. Конь, Панк и Кривой продрогнувшие и замершие толклись у ларька с фастфудом. На последние оставшиеся деньги они купили и съели несколько черствых резиновых гамбургера. Явно не наевшись этой скудной за весь день пищей, они голодными глазами посматривали на витрины и прохожих в надежде, что кто-то из них окажется знакомым или просто случайно обронит деньги. Но этого все не происходило, и надежда тускнела с каждой минутой.

- Вспомнил! – прервал Конь скудно ползающие изголодавшиеся мысли и воспоминания молчавших друзей.

Они настороженно, не зная, что услышат дальше, уставились на него.

- Вспомнил – где нам раздобыть кое-что кругое!

- И? – нетерпеливо поторопил его Панк.

- Мать же у меня работает в медпункте Стройка...
- И что? – откровенно тормозил Панк.
- Что-что! Залезть надо туда, может что найдем. Я и слепок уже давно сделал – все забывал вам сказать.
- Забыл сказать?! – неприятно поразился Кривой.
- А что? Там все равно еще люди были. Идти туда только ночью можно и то не каждую, на выходные... потому что там дежурят.
- Так сегодня как раз пятница! – обрадовались Панк и Кривой.
- Они дождались бюджетного, бесплатного по губернаторской программе, автобуса и отправились на 20-летия Октября.
- Как ни проедусь в этих халявных автобусах с бабками и калеками всякими, блин, за поручни жирные понахватаешься – потом бородавки гроздьями на руках вскакивают, - пожаловался своим приятелям Панк.
- Там еще рядом с медпунктом столовка есть. Может, и туда слазим? Похаваем чехо-нибудь? – сильно мучающийся от голода предложил Кривой.
- Кривевич, посмотрим! Сейчас наглотаешься волшебных пилюль и про жратву забудешь сразу же! – с серьезным лицом заверил его Конь.
- Я почти во всех общагах здесь был, и в той, где иностранные студентики живут. Только в четверке не был, - рассказал Панк.
- Ни чем от тройки не отличается, такой же бардак и вахтеры – волчары. В 4-ой общаге как раз и находится медпункт, - объяснил Конь.

Друзья шли от остановки быстрым шагом. Внимательно смотря под ноги, на заледеневшие огромные лужи и на не посыпанные песком скользкие тропинки. Чем ближе была ночь, тем сильнее дул пронизывающий ветер.

- Вот и пришли...
- Если у нас ни у кого телефонов больше нет – часы-то есть? – поинтересовался еще переживающий потерю своего мобильного Панк.
- Кто сейчас носит часы?? – быстро закончил разговор Кривой.
- Они дождались полночь, спрашивая время у редких знакомых. Зашли в темный двор к заднему выкрашенному в болотно-зеленый цвет фасаду трехэтажного сталинского общежития. Парни оглянулись по сторонам, немного потоптались на разрушающихся от времени и перемены погоды бетонных ступенях неказистого с

проржавевшим козырьком крыльца. Убедившись, что в окнах больничных кабинетов не горит свет, и никто здесь мимо особо не ходит в столь поздний час. Конь ловко вставил в замочную скважину дубликат ключа, и они быстро просочились внутрь. Конь сразу же опасливо запер входную дверь изнутри. В полумраке, даже не дожидаясь, когда к темноте привыкнут глаза, принялись шарить по комнатам и тяжелым старым металлическим еще годов 50-х выпуска врачевным шкафам.

- Я спирт медицинский нашел! – донесся из первой к выходу комнатушке ехидный шепот Панка.

- Мда-а, как они тут только не поспивались все с такими запасами,

- прибавил он после паузы, отхлебнув из широкого горла крупной склянки.

- У меня одни только папки и архивы, - недовольный сообщил из закутка возле служебного и единственного туалета Кривой.

- Я нашел! Здесь есть! – раздался обрадованный голос Коня из самого дальнего стоматологического кабинета.

Остальные немедленно бросились к нему. Конь зарылся в шкафе с потертыми полуистлевшими за годы существования медпункта занавесочками. Какая-то небольшая стекляшка выскользнула из его рук и с оглушающим «дзын» разлетелась по комнате.

- Ты че?! Ошалел?! – Кривой перепугано шикнул на него, - попалить нас хочешь, осел?!

- Да, ладно вам, чуваки! Здесь же никого нет! Кто услышит? – оправдывался Конь.

- Дай я посмотрю! Лучше тебя разбираюсь в колесах, - попытался отодвинуть его от заветного шкафчика Панк.

- С чего это – лучше?! Я все детство эти разговоры медицинские слушал... Это мы позже захаваем... - он рассматривал мелкие надписи на бутылках, поворачиваясь к тусклому свету уличного фонаря сочившегося из окна с пыльными грязноватыми стеклами..

- А вот это можно и сейчас, - положил на выдавший виды деревянный рабочий стол красную упаковку с таблетками.

- Если еще вот этим прикрыть – то будет совсем все шикарно! – и поставил рядом два пузырька с жидкостью.

- Как называется-то? – сам не зная для чего спросил Кривой.

- Зачем тебе голову забивать? Лучше ее полностью очисти – сейчас приход будет недетский, - ухмыльнулся Конь и достал из упаковки по пять светлых крупных таблеток на каждого.

Как он научил, все, давясь без запивания водой, проглотили по горсти лекарства и сделали по глотку из каждой бутылочки. Расселись по шатким скрипучим стульям в небольшом узком коридорчике у кабинета зубного и принялись ждать одурманивающего эффекта. Просидев полчаса, Панк не выдержал: «Ну и где?!» - злобно прохрипел он.

- Да подожди ты... Встань попробуй... - успокоил всех Конь.

Панк послушно привстал и тут же поплыл в пространстве: «Ни хрена себе, - тихий взглас вырвался из его груди. Он, пошатываясь, пошел по коридору и остановился у большого медицинского плаката с изображением разреза пищеварительного тракта. Кривой все время экономивший сигареты при любой возможности стрелял их на улице и у друзей решил сейчас закурить свои.

- Ты нас попалишь! – припугнул его Конь, но Кривой все равно ярко осветил казенное пространство вспышкой зажигалки.

Они еще долго сидели на стульях... Каждый копался в только ему известных мыслях... Казалось ночь остановилась... Периодично, даже набивая завораживающую мелодию, частыми каплями отбивал ритм ржавый кривой кран облупившегося технического умывальника в одном из кабинетов. Ему вторила ветвь дерева, бьющаяся в окно под напором сильных порывов ветра. Конь взял из пачки, мирно покоившейся на колене Кривого, сигарету и тоже закурил.

- Перло... и уже не прет! – раздраженно и громко произнес Панк.

- Не ори, что ли... не прет... то-то ты на плакат с кишками целый час пялишься!

Тихий звук похожий на глухой кашель в одной из комнат насторожил молодого человека. Прошла минута, другая и он сообразил, что это шумит не Панк и не Кривой. Его душу постепенно захватывал леденящий страх разоблачения. Еле различимый подозрительный хрип упорно пробивался в сознание молодого человека. Как назло друг сидящий рядом в наркотическом бреде монотонно бормотал нечто, мешая сосредоточиться. «Если это дежурный врач – он давно бы уже привел Ментов», - эта мысль долго ползала и зрела в его голове. С невероятным усилием воли, борясь с поработавшими его препаратами, парень заставил себя встать.

- Подвинуся, сучонок... - прошел он мимо Панка и медленно ватными ногами с тлевшей и забытой сигаретой в руке пробирался

на подозрительный звук. Коридор в пьяных глазах плыл, деформировался и постоянно менялся. Паренек шел, периодически останавливаясь для отдыха и обдумывания дальнейших действий. Ему казалось – шел к двери целую вечность. Наконец молодой человек добрался до цели. «- Эй... эй!» - осмелился он окликнуть того кто находился за дверью со странной лаконичной табличкой «осмотр». Человек не отвечал, но из-за преграды ясно и отчетливо доносилась какая-то возня и постоянный подозрительный хрип.

- Мужики! Идите сюда!! – даже не скрываясь и не понижая голос, выкрикнул он.

Через некоторое время они подошли.

- Прикиньте, в этой комнате кто-то есть живой! – поделился своими наблюдениями Конь.

- Ну-ну! откуда?

- Не знаю. По пятницам здесь никогда никто не дежурит... Я же помню... с матерью на ее работу мелкотней почти каждый ходил. Ну, послушайте сами...

Компания притаилась и напряженно вслушивалась в тишину. За дверью раздался скрежет и негромкий хрип.

- Собаку что забыли? – предположил Кривой.

- А почему она на чужих не лает? – удивился Панк.

- Добрая, наверное, - Кривой рассмеялся над своей шуткой.

- Песик-песик! – засюсюкал Конь.

Ему отозвалось нечто похожее на рык.

- Я же говорю – собаку забыли! Открывай дверь!

- Что значит открывай?! А если она все-таки огромная и злобная? Или сейчас своим лаем разбудит всю общагу?? – остудил его Конь.

Кривой немного подумал, протянул руку к смятой дверной ручке, но потом резко отдернул ее.

- Ладно, пошли отсюда, а то мы так до утра в этом коридоре стоим. И так уже нашли что искали! – сказал Конь и направился к выходу.

Остальные послушно поплелись за ним.

- Снег пошел... - оповестил всех Кривой, мельком увидевший через окно открытого кабинета первый в этом сезоне снег.

Конь подошел вплотную к входной двери. Прислушался к тому, что происходит снаружи и, убедившись, что за ней никого нет, открыл замок.

Зоя Леонидовна – одинокая женщина

Старенькое ружьишко для подводной охоты, моток прочной толстой веревки, скотч, чистый отрез старой простыни, раствор бриллиантовый зеленый, бутылка воды 1л. Небольшое расколотое дамское зеркальце, старый крупный и неуклюжий мобильник, два кухонных ножа средних размеров, погнутая вилка, две пластиковые тарелки, газета кроссвордов, гелевая ручка, сменный спортивный костюм, расческа. Зажигалка, туалетная бумага, карта города, пачка экстракта валерианы, бутерброд и яблоко, переносной фонарик, небольшая лопата с отпиленным черенком, старенький радиоприемник, мыло в мыльнице. Хороший компактный и качественный ручной фонарь был единственной новой вещью, которую она приобрела за все эти годы в оружейном охотничьем магазине.

Зоя Леонидовна еще раз проверила все вещи, аккуратно сложенные в громоздкую зеленую спортивную сумку. Для удобства к одной из ручек сумки было привязано плетеное грибное лукошко. Оделась в свежий недавно постиранный спортивный костюм мрачного темно-синего цвета, еще вкусно пахнущий чистотой и стиральным порошком. Расчесала волосы у большого 80-х годов выпуска зеркального трельяжа. Взяла в руки фотографию сына в рамке. Несколько минут всматривалась в невинные милые детские глаза.

Только последний год у Зои Леонидовны перестали наворачиваться слезы при виде фото маленького Коли. Не выпуская деревянную потертую рамку из рук, она присела на край старенького пыльного дивана, словно «присела на дорожку» перед долгим путешествием.

После смерти пятилетнего сына молодая одинокая женщина перестала следить за собой и своей небольшой 2-х комнатной квартирой. Она больше не наряжалась в красивые платья в праздники, как любила раньше. В ее доме не появлялись новые современные вещи. Ее единственной формой одежды с тех пор стал тренировочный костюм, а квартира обросла пылью и затхлостью. Время для Зои Леонидовны будто остановилось, и жизнь потеряла всякий смысл, тогда, в тот несчастливый трагичный день – понедельник, 24 февраля 1986-ого года. За день до трагедии было 23 февраля, день защитника Отечества. И хоть Коленька еще не защищал отечество, но непременно бы это

сделал, и проявил себя как герой – верила Зоя. Она на праздник подарила ему черный игрушечный автомат с мигающей на кончике ствола лампочкой показывающей выстрел при нажатии на пластмассовый курок. Такой автомат достать было очень сложно во время острого дефицита, и ей он достался как подарок начальства за отличную работу в машинно-счетном отделении механического завода. На следующий день она отвела Коленьку в садик и больше живым не видела. Только детское холодное тельце в бардовом костюмчике из плотной велюровой ткани с синим галстучком, лежащее в крохотном простеньком красно-черном гробике, навсегда шоком запечатлелось в памяти.

После похорон малыша она не выходила из своей хрущевки по ул. Юлюса Янониса в Советском районе целый год и ни с кем не разговаривала. Продукты ей приносила мать и убирала комнаты, пока не умерла от инсульта. Пережив еще одно горе, душа молодой женщины стала безразличной к другим людям, а сердце каменным к их горю.

После смерти матери Зоя Леонидовна взяла себя в руки, стала выходить из дома, устроилась на работу в продуктовый магазин и даже познакомилась с молодым человеком. Они стали жить вместе в ее квартире и хотели пожениться. Казалось, Зоя вновь обрела счастье, но она никак не могла забыть своего погибшего сына. Все время говорила о нем и как будто жила прошлым, прежним счастьем. Вскоре в новой семье пошел разлад, и жених Сергей бросил ее. После его предательства и ухода Зоя Леонидовна окончательно очерствела душой. Уже много лет она жила по расписанию... С того дня больше не включала телевизор. Он так и стоял одинокий и ненужный в углу. Покрытый пылью, паутиной и мятой вязанной кружевной накидкой подаренной матерью. Даже не знала, работает ли он.

По вторникам она ходила на могилку в юго-западном кладбище к Коле, в тот день недели, когда его похоронили. Долго разговаривала с ним, протирала простой деревянный крест без фотографии от лесной пыли и ухаживала за многолетними цветами, посаженными вокруг крохотного холмика.

В среду и четверг зимой отдыхала дома, подолгу задумчиво глядя в окно, или часами держала в руках портрет беззаботно и искренне улыбающегося сына.

Летом по четвергам ездила на дачный участок. Неработающая с 86-ого года, выращивала скудные продуктовые запасы на зиму.

Иногда излишки продавала на рыночке неподалеку. Зимой подрабатывала – шила на дому почти даром соседям семейные трусы, полотенца и пододеяльники. Выполняла несложные швейные задания. Она ненавидела мужчин и не разрешала им приходить за заказами, только женам.

В пятницу, субботу, воскресенье и особенно в понедельник она озлобившаяся и агрессивная ходила в разные районы леса вокруг города и остервенело искала его, в тех местах где нашли останки ее малыша. Искала его, чтобы тоже разорвать на куски, его, человека жестоко убившего ее Коленьку.

Ходила по лесам изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год... Уже почти 25 лет. Ходила летом и осенью по хвойному, лиственному и смешанному лесу с большой сумкой и лукошком, притворяясь грибником. Приносила с этих странных прогулок маслята, опята и подберезовики себе на ужин. Зимой на старых истертых лыжах с отломанным носом изображала престарелую спортсменку. Весной меняла сумку на вместительный походный грязно-зеленого застиранного цвета рюкзак и бегала.

А иногда, редко не каждый год встречала их – подхитивших под описание того маньяка, издевавшегося над ее ребенком. Высоких, худощавых, с темными волосами и кривыми глазами. Собирающих грибы или ягоды, в высоких черных резиновых сапогах. Когда она встречала таких мужчин, то непременно нападала на них. Жестоко с неясно откуда взявшейся в такие моменты у женщины не дюжей мужской силой. Затем долго выкапывал в лесу яму поглубже и тщательно прятала труп. Только двух убитых мужчин из нескольких десятков нашли за все время ее «сбора даров природы». Об этом она читала в случайно найденной брошенной на подъездном пыльном подоконнике чужой городской газете...

А она мечтала встретить именно его, того, кто в самый страшный день совершил этот чудовищный поступок. Грезил, что бы он признался и рассказал, почему и зачем это сделал. После таких удачных вылазок, домой Зоя Леонидовна приходила не как обычно к 10 вечера, а только под утро или даже вечером следующего дня.

Вот и сегодня в воскресенье в начале ноября 2011 года, поздней осенью она отправилась за грибами. Закрыла на два хлипких замка обитую дерматином и украшенную незамысловатым геометрическим узором из гвоздиков с декоративными шляпками черную дверь. В ее квартиру на пятом этаже с последним номером

несколько раз проникали воры, но брать было нечего. И в последний раз взяли только акустическую гитару мужа, оставшуюся после недолгого несчастливого брака и золотую зубную коронку матери с оставшимся в ней сгнившим кусочком зуба.

Зоя Леонидовна вышла из подъезда. Поздоровалась с тепло пришедшими, уже сидящими с раннего утра друг напротив друга на покосившихся лавочках бабульками-соседками, и направилась к остановке. В этот раз она решила поехать в лесные окрестности Шилово, поселка городского типа. Было 7 утра и в выходной первые маршрутки только начинали ходить. Дождалась свой полупустой автобус - не то, что в дачный сезон.

За запотевшим окном серый осенний высоко этажный город сменился низким пригородом, а затем безлюдным тихим и умиротворенным лесом...

На предпоследней остановке в салон зашел высокий худощавый человек. Зоя Леонидовна насторожилась, а глаза загорелись охотничьим азартом. Немолодой седоватый мужчина лет 50-ти в лесу собирал грибы. На нем была небрежная не новая одежда и коричневые резиновые сапоги. Седоватые волосы выбивались из-под плотной мелкой вязки шапки неопределенного цвета. Крупная корзина горделиво неприкрытая, представляла окружающим крупные ровные, аккуратно уложенные слизкие грибные шляпки. В другой руке у него была складная удочка. «Рыбак рыбака видит издалека» - по-мужски злорадно ухмыльнулась женщина. Скорее всего он переезжал с одной поляны на другую. На конечной остановке они вышли вместе.

Зоя Леонидовна перехватила ревнивый взгляд грибника и демонстративно пошла в другую сторону, показывая, что не претендует на его территорию. Эту местность она знала превосходно: каждую кочку и холм, сломанное поваленное дерево и ручеек. За 25 лет она бродила здесь сотни раз. Зоя Леонидовна знала, куда направился незнакомец – неподалеку был пруд. Набрала пока чуть-чуть грибов, чтобы возвращаясь из леса не вызвать у наблюдательных людей никаких подозрений пустым лукошком. Женщина немного походила по окрестностям, убедилась, что больше в ближайших окрестностях людей нет, и смело направилась к пруду.

Как она и предполагала, мужчина сидел на пенке у пруда и ловил рыбу. Пока он ее не заметил, Зоя Леонидовна зашла со

спины. Тихо и осторожно раскрыла свою огромную спортивную сумку и достала простенькое ружье для подводной охоты – Советский Р-1, арбалет-резинка.

Такое приспособление – оружие однозарядное, и Зоя Леонидовна не могла позволить себе такую роскошь как промахнуться. Она перевела дух, затаила дыхание, тщательно притаилась и нажала на спусковик. Достаточно длинный, для того чтобы быть опасным, гарпун с еле слышным свистом прорезал пространство и воткнулся мужчине в затылок. Старенький потрепанный Р-1 оставшийся еще от отца, заядлого рыбака и охотника, не подвел ее и в этот раз. Такой выстрел не был смертельным. Вероятнее всего он просто оглушил незнакомца или тяжело ранил. Женщина подошла к нему и выдернула неглубоко вошедшую металлическую стрелу из шеи. Кровь из раны обильно сочилась. Зоя Леонидовна долго на руке искала биение сердца и удостоверившись что мужчина еще жив одобрительно кивнула.

Она с улыбкой, которая появлялась на ее лице только в подобные мгновения, достала моток веревки и связала жертве руки. Оставила длинный конец и поволокла за него лицом вниз бездвижимое тело от заводи глубже в лес. Позже она обязательно вернется и уберет все лишнее: брошенную удочку, свои и его следы на податливой сырой почве. Затащив грибника в прогалину, она связала ему ноги, а свисающий конец веревки привязала к стволу немолодого дерева.

Села на упавшую толстую ветку рядом и молча смотрела на раненого человека, запоминая каждую его особенность и черту расцарапанного о землю и мелкие веточки лица. Думала, есть ли у него семья, и будет ли также плохо им после его смерти как ей после гибели сына.

Вскоре он приоткрыл глаза и застонал. Поняв, что связан, и что с ним произошло, он перестал стонать и испуганно уставился на нее. Несколько минут они смотрели друг на друга, а потом рыбак стал громко звать на помощь. Зоя Леонидовна немного послушала его истеричный крик, потом встала и долго со всей силы била ногами в темных кроссовках по его лицу, пока лежащий не замолчал.

- Как тебя зовут?! – спросила она.

- Николай... - тихо и не сразу ответил мужчина.

- Как и моего сына... Ну... Рассказывай, как ты его убивал!

- Кого? – в страхе глупо переспросил он.

- Моего сына...
- Я никого не убивал!
- Все вы так говорите... - уставшим голосом уверенно ответила она ему.

Зоя Леонидовна, не спеша, достала из сумки кухонный нож.
- Не убивал, не убивал!!! – в панике несвязно залепетал плененный человек.

- Ты уверен в этом, Николай? – надменно спросила женщина.
- Я никогда никого... не убивал, - закивал тот.

Она резким размашистым движением ударила его в бедро. Жуткий громкий крик пронзил лес.

- Не убивал!!! – умолял незнакомец, - я не убийца!!!

Но Зоя Леонидовна не верила ему, продолжала наносить удар за ударом в плечи и руки человека. Николай неистово извивался, пытаясь избежать ранений, но удары беспощадно настигали его.

- Убивал! Я убил его!! – услышала она, наконец, то, что хотела услышать.

- Как ты его убил? – строгим голосом спросила женщина свою жертву.

- Как ты его убивал?! – перешла на крик.

Ее ярость все нарастала и туманила ей сознание.

- Ножом, ножом! – с трудом от сильнейшей боли выговорил несчастный человек.

Зоя Леонидовна одобрительно улыбнулась: «Расскажи подробнее...» - стала она немного успокаиваться.

- Я связал его, долго мучил, а потом зарезал... - заплакал Николай.

Зоя Леонидовна рассмеялась, так странно она отреагировала на слова, за которыми охотилась все эти 25 лет.

- А дальше? Что ты дальше сделал с Коленькой? Отвечай!!! – пнула периодически теряющего сознание мужчину.

- Я закопал его... - речь умирающего становилась все тише и тише.

- Как ты его закопал? – продолжала допытываться она.

- Просто закопал... - человек знал, что не будет больше жить, но был рад, что его тело не пронизывало больше обжигающей болью лезвие ножа.

- Как просто?! – терзала его женщина-маньяк, и стала снова приходить в неуправляемую дьявольскую ярость.

- Вырыл неглубокую яму и закопал... покидал туда же его одежду... - не сразу смог ответить рыбак.

- Ах ты, подлец!!! – взбесилась Зоя Леонидовна, бросилась на колени рядом с ним и тремя сильными ударами завершила мучения, случайно попавшего в страшную ситуацию человека.

С последними словами этого мужчины она заподозрила обман. Ее сына хоть и убили ножом, но нашли не в яме, не в одной могиле...

Как ей рассказывал пожилой следователь Иван Константинович 28 февраля 1986-ого года, высокий седоватый мужчина лет 55-ти, первые части сынишки нашел лесник. Он обходил территорию вверенного ему леса заповедника и увидел человека, роющего яму. Тогда лесник, сам не зная почему, не стал ему мешать. дождался когда незнакомец уйдет, и разрыл яму... Позже этот лесник подробно описал преступника, но несмотря на подробные показания маньяка за многие годы так и не нашли. Его также видела немолодая женщина, сошедшего на конечной остановке неподалеку от хвойной лесополосы в другой части города с тяжелой ношей в бесформенном тюке. Другие останки убийца даже не стал прятать, просто бросил у ручья в глуши в надежде, что их быстро разберут дикие звери. Но их в тот же день обнаружили пионеры, шныряющие по лесу в поисках трофеев Великой Отечественной Войны. Зоя Леонидовна была рада, что нашли тело Коленьки хоть и в таком изуродованном виде – ведь она могла спокойно похоронить его и приходить на его крохотную детскую могилку...

Тяжелые воспоминания отобрали у нее последние силы, она присела на поваленный сук, достала пачку и спички и закурила. Зоя Леонидовна начала курить, когда расправилась с первой своей жертвой. В карманах его походных штанов она нашла измятую «Приму». Дома не курила, только на природе, после подобных мгновений возмездия. Сладковатый дым проник глубоко в легкие, и она закашляла после большого перерыва.

Время пролетело незаметно и уже начало темнеть. Она сидела и думала, что делать дальше с трупом: утопить в пруду, закопать поглубже, или просто присыпать опавшими сухими листьями. Зоя Леонидовна ощущала возраст, силы были уже не те, она быстро уставала. Немного поразмыслив, решила закапывать. Она и раньше ночевала в лесу, если не успевала завершить начатое дело, рядом с живыми и мертвыми жертвами.

Подкрепилась предусмотрительно взятым с собой бутербродом и яблоком. Выкурила еще одну сигарету и достала из сумки лопату с обрезанным черенком.

Копать такой лопатой было не очень удобно, и Зоя Леонидовна знала – на могилу уйдет много времени. Рыла яму пока не устала. Попила чистой отстоянной воды из дома. Закурила. Развела костер, что бы погреться, да и солнце почти зашло. Женщина принялась обыскивать мертвеца, в карманах и вещах могли находиться какие-нибудь доказательства его вины. Но все было как обычно: немного денег, универсальный многофункциональный складной ножик, потертый мобильный телефон, маленькая записная книжка со схемой от руки грибных мест, носовой платок, очки в футляре, большие охотничьи спички, коробочка с покупной живой наживкой, запасные крючки... На груди мужчины сквозь порезанную одежду и кровь увидела крупные черные пятна. Раньше она не встречала такого на своих жертвах. Недолго рассматривала это необычное явление, потом пожала плечами и оставила труп в покое. Обмыла руки испачканные чужой кровью.

Зоя Леонидовна тяжело вздохнула. Скорее всего, этот человек не был повинен в смерти ее сына. Можно было его и не убивать, но тогда он непременно бы заявил в милицию о покушении. Ее бы арестовали, и она никогда бы не поймала настоящего преступника.

Ей стало скучно и совсем тяжело от жутких воспоминаний и размышлений. Зоя Леонидовна полезла в свою незаменимую спортивную сумку и достала радиоприемник. Здесь хоть и плохо, но ловились несколько радио станций.

Сидя на корточках спиной к мертвецу, лицом к костру она долго настраивала любимую волну, с трудом пробивающуюся сквозь шумы и помехи.

Не зная почему, она обернулась и посмотрела на Николая. Он также спокойно лежал рядом, у своей наполовину вырытой могилы, а лицо, забрызганное его же кровью, оставалось умиротворенным.

Началась интересная передача – в ней диктор с приятным заволаживающим голосом читал для слушателей книги. Сегодня это было произведение Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Радио в лесу Зоя Леонидовна слушала только «после» и то не каждый раз. Она сделала громче и отошла недалеко с фонариком собрать хвороста в прогоревший костер.

Когда она вернулась с полной до подбородка охапкой сухих веток, то в темноте не сразу заметила, что Николая не было возле ямы. Она подбросила хвороста к тлеющим углям. Только когда костер разгорелся, она поняла – что-то не так. Увидев, пустую лесную впадину без мертвеца, Зоя Леонидовна сначала испытала небольшой испуг, а затем сильный азарт. Жертвы еще никогда прежде не убегали от нее. Зоя Леонидовна знала: обессиленный, потерявший много крови и сильно израненный мужчина не мог далеко уйти.

Она снова включила фонарь и внимательно осмотрела опустевшее место. От него тянулись хорошо просматриваемые следы. Жертва ползла, разгребая листья и оставляя на них кровавые подтеки. Зоя Леонидовна осторожно пробиралась сквозь ветки по темно-бардовым следам, готовая к любым неожиданностям. Всего через десять минут она нашла его в соседней впадине неподалеку. Николай лежал лицом вниз в сильно неестественной скрюченной позе. Женщина подошла ближе, освещая пространство тусклым светом переносного фонарика.

Достала недавно вымытый нож. Аккуратно перевернула тело. Наклонилась ближе, чтобы проверить, жив ли он еще или уже нет. Услышала негромкий протяжный хрип и отпрянула. Николай резко открыл мутные багровые от кровоизлияний глаза. Направленный свет фонаря не слепил его. Он быстро встал на ноги.

Зоя Леонидовна не ожидала такой прыти от полумертвого человека, отскочила влево и крепко сжала рукоятку ножа. Казалось, у него было полно сил. Пошел к ней, все ускоряя шаг.

Зоя Леонидовна – женщина-маньяк, впервые не знала, как ей поступить дальше и просто побежала. Громкий мерзкий хрип недобитой жертвы отчетливо и пугающе раздавался за ее спиной. Она бежала изо всех сил обратно к костру, перепрыгивая ямы, кочки, поваленные стволу деревьев и другие природные преграды.

ТОД

- Что же ты себе за профессию выбрал, а? Не страшно тебе эту гадость в дом принести-то?

- Мам мы сколько раз об этом говорили? Я людям жизни спасаю, а ты говоришь такое...

- Да уж людям – сплошные бомжи, алкаши и уголовники, вот кто они... твои больные!

- Ну и что, они тоже жить хотят. И могут инфекцию разнести, детей ни в чем не виновных заразить...

- Вот-вот! О чем я и твержу тебе столько лет! Заразить! Принесешь дрянь эту смертельную, наши Варечка и Ванечка заболеют, вот тогда вспомнишь мои слова!

- Сколько можно, мам! Я работаю врачом-рентгенологом и не соприкасаюсь с запущено-зараженными пациентами!

- Ага, не соприкасаюсь. А рентген–то ты в своей областной кому делаешь? Здоровым что ли? Говорила же – в летчики бы шел, по странам разным давно бы уже летал, мир увидел... А ты? Работаешь там, в грязи за копейки.

- У нас хорошие зарплаты, недавно опять повысили...

- Ну да, ну да, - сварливо приговаривала немолодая женщина, разогревая завтрак пасмурным октябрьским утром своему уже взрослому сыну.

- Эх, Димка, Димка...

Молодой врач, несколько лет назад закончив ВГМА и успешно пройдя послевузовскую подготовку, устроился работать в ТОД - туберкулезный областной диспансер, расположенный на улице Фридриха Энгельса 19.

И сегодня, опаздывая, торопился. Именно в этот день по их диагностическому рентгеновскому отделению со студентами должна пройти заведующая Тамара Алексеевна.

- Дима, телефон возьми! Взял?! – раздался в вдогонку озабоченный голос Ольги Петровны, но он уже успел уйти и запереть за собой входную дверь.

Курилка для персонала с утра была полна врачей.

- Что же вы за доктора такие? Курите? Еще и туберкулезников лечите, - в полу шутку бурчала на них полноватая в годах уборщица Алла Васильевна.

- Жизнь у нас тяжелая, тетя Алла! – отмахивались они от нее.

Алла Васильевна являлась необычной 60-летней женщиной. В душе она, по всей видимости, чувствовала себя совсем молодой и, несмотря на расплывшееся несвежее тело, часто одевала не по возрасту короткие юбочки и откровенные полупрозрачные блузки... Как ни ругало ее за этот неподобающий медицинскому учреждению вид руководство больницы – ничего изменить не удалось. Алла Васильевна наотрез отказывалась принимать другой вид униформы для себя. Просто уволить ее тоже не могли. За ту мизерную заработную плату, что Российское государство выделяло бюджетным служащим такого ранга. Новую работницу найти было весьма проблематично.

И сегодня Алла Васильевна не изменила себе. Из-под коротенького застиранного халатика неустойчивого серо-белого оттенка, обрезанного специально самой модницей, выглядывали черные кружевные чулки с подвязками, красовавшиеся на полноватых и казавшихся от этого непропорциональными ногах.

Дмитрий только что зашел в заполненное сигаретным туманом помещение, быстро закурил и вклинился в разговор между фтизиатром Георгом Александровичем и химиотерапевтом Геннадием Титовичем.

- ... стало ему определенно хуже, а жаловался в начале только на боли в груди, небольшой сухой кашель и насморк, - уловил обрывок фразы Дмитрий.

- Где его нашли? Откуда привезли? – поинтересовался Георг Александрович, нервно поправляя крупный очки в тяжелой оправе на казавшемся маленьком для них сухом лице.

- Из Богучарского района, работает фермером в сельхозартели, разводящей крупный рогатый скот.

- Это не там ли случайно где скотомогильник? – заинтересовался дезинфектор, молодой невысокий плотного телосложения мужчина, недавно пришедший специалист, с которым Дмитрий еще не был знаком.

- Я не в курсе. А вы что-то знаете? У вас осведомленный вид, - улыбнулся Геннадий Титович, было заметно, что он рад новому коллеге.

- Слышал не много. В местных губернских новостях сообщали, что фермерское хозяйство сбрасывало трупы павших животных в необорудованную для этого биотермическую яму...

- И что из этого? – полу равнодушно и устало переспросил палатный медбрат Толик.

- То что, эта биотермическая яма, находящаяся на балансе артели, сделана с нарушением ветеринарных требований. Она не огорожена глухим забором высотой не менее 2 метров, из ямы не выведена вытяжная труба. Отсутствуют крыша и ворота с замком, помещение для вскрытия трупов животных, хранения дезинфицирующих средств, инвентаря, спецодежды и инструментов, - истинная интеллигентность не позволяла новому дезинфектору просто отмахнуться от недалекого человека.

- И?! – не проявлял ни какой мозговой активности Толик.

- Ну, как вы не понимаете??! Данный незаконный скотомогильник создает угрозу причинения вреда окружающей среде и санитарно-эпидемиологическому благополучию населения! – вмешался в спор Дмитрий.

- Проще говоря, все кто вокруг живут, могли заразиться Бог знает чем... Смотря от чего именно пали эти животные... - уравновесил пыл Дмитрия врач-эндоскопист Борис Аркадиевич.

- Как вы думаете, Геннадий Титович, мог ли этот больной заразиться туберкулезом из данного незаконного захоронения? – тут же спросил Борис Аркадиевич доктора с самым большим стажем работы, доверяя его авторитету и знаниям.

- Несомненно! Больше не от куда! Тем более данная разновидность заболевания очень опасна, и прогрессирует с неслыханной скоростью!

- Что вы говорите?! – изумился Дмитрий, - и каковы проявления?

- Начало стандартное и вполне обыденное – его привезли в первый день ухудшения самочувствия, когда лихорадка достигла 39—40°C, появилась одышка, тахикардия. Быстро в тот же день возник кашель с выделением мокроты, появились нарушения функции сердечно-сосудистой системы. Были выраженные вегетативные расстройства, плохой сон, потливость. В легких прослушивалось много рассеянных сухих и влажных хрипов...

- Затем, буквально ночью, мне позвонили домой, разбудили жену и детей, ему стало резко хуже. Появилось кровохарканье и легочное кровотечение. Через несколько часов – под утро: образовалось сужение голосовой щели, в результате инфильтрации, отека и внутренних рубцов возникло затрудненное дыхание. Пациент не мог больше самостоятельно принимать пищу, каждый вздох давался ему невероятно тяжело и сопровождался душераздирающим просто нечеловеческим хрипом, даже каким-то зловещим криком... - увлеченный произошедшими вчера и сегодня в лечебном изоляторе событиями Георг Александрович перебил Геннадия Титовича.

- А дальше начались просто невообразимые чудеса!! – вновь овладел рассказом Геннадий Титович, - больной на глазах исхудал и высох, на его груди сначала появились черные похожие на плесень пятна. Всего через 2 часа эти пятна провалились в множественные полости, похожие на огромные каверны! В своей практике я никогда такого не видел!

- Как... как вы его лечили?? – с нетерпением сорвались простые и понятные слова с уст Дмитрия.

- Какое лечение? Мы не успели назначить ни чего, ни химиотерапию, ни хирургическое вмешательство, н-и-ч-е-г-о! Пациент просто умирал у нас на глазах, а мы беспомощно наблюдали, разинув рты!

- Он жив??! Сейчас можно на него посмотреть?? – поинтересовался Дмитрий, и большинство врачей в курилке подхватили его желание.

- К сожалению, на этого загадочного больного посмотреть нельзя... он несколько часов назад сбежал, - покачал головой Георг Александрович.

- Как сбежал??!! – удивлению только что приехавших на работу врачей и пропустивших эти нестандартные эпизоды не было предела.

- Пациент сбежал. У него начался сильный неконтролируемый приступ агрессии. Геннадий Титович вызвал дежурных братьев и сестер, что бы они обездвжили больного. Его раны на груди сильно кровоточили, из них выглядывали скомканные куски омертвевших безжизненных тканей легких. Больной царапал грудь, неистово хрипел, дико кричал, вырывал из своего тела куски плоти. Мы не хотели, что бы он навредил себе еще сильнее.

Когда удалось его схватить, неожиданно этот пациент нашел в себе небывалые запасы сил, раскидал всех наших сотрудников. Неизвестно зачем схватил нашу дворовую кошку Маньку, заживо выдрал, сожрал легкие животного на наших, ошарашенных происходящим глазах, затем быстро разломал прутья решетки палаты и полуобнаженный весь окровавленный покинул территорию учреждения.

- Не может быть... - только и смогли ответить замороженные таким потрясающим повествованием доктора.

- Да, я за всю свою долгую жизнь никогда не видел что бы палочка Коха творила такие чудеса, - Геннадий Титович повторился, поддерживая их удивление

- А как? А как его звали? – неожиданно для всех спросил медбрат Анатолий.

- Даже не помню... Василий что ли... - не сразу ответил Георг Александрович.

Дмитрий наблюдал, как в ТОД приехала милиция. Сотрудники службы как муравьи озадаченно усердно, но бесполезно изучали место происшествия. Лица мелькали перед глазами, даже не успевали запомниться. С подчиненными, волнуясь за репутацию своего места и заведения, бегал главврач. На прилегающей территории густо усыпанной опавшими осенними листьями не известно для чего работал привезенный милицией кинолог с собакой.

Дмитрий не выдержал и направился к той самой злополучной палате увидеть все случившееся своими глазами. Пациенты и раньше часто сбежали из своих палат – лечение такого тяжелого заболевания, обязывала постоянное пребывание в лечебном центре, и не каждый больной мог выдержать такую долгую разлуку со своими близкими. Кто-то просто банально зависел от алкоголя и ему были необходимы периодические «выходы в люди». Врачи по большей части смотрели на это сквозь пальцы. Только после того как участились побеги из «тяжелых» палат пациентов категории III и IV, прорванную рабицу на окнах заменили хорошими крепкими добротными решетками. Сейчас эти решетки были в плачевном состоянии – не разогнуты, разломаны! Надо было и, правда, обладать не

дюжей силой, что бы натворить такое. В палате на три койко-места было полно народа. Милиция брала пробы со следов крови и какой-то черной слизи на подоконниках и разбитых измазанных судорожными бессмысленными движениями рук стеклах и стенах. В центре комнаты лежал разорванный на куски трупик несчастного случайно подвернувшемуся сбежавшему психопату животного. Останки уже были обследованы и сфотографированы. Алла Васильевна тщательно замывала кровь кошки у входа. «Алла Васильевна!! Вы хотя бы оделись!!» - разозленный ее внешним видом перед посторонними полголоса шипел главврач ТОДа Петр Арсеньевич.

Удовлетворив свой интерес, Дмитрий отправился на рабочее место в диагностическом отделении. Все врачи наперебой только и говорили об этом происшествии последних суток. Размеренное функционирование больницы нарушилось, отменили обход заведующей со студентами и прием новых больных.

На следующий день больничные страсти поутихли и все пошло своим накатанным десятилетиями чередом. Приходили пациенты, периодически поднималась суматоха. Дмитрий рутинно выполнял снимки на рентген аппарате, анализировал их, ставил диагнозы. В кабинет постоянно заходили сотрудники, переговаривались между собой, шутили, смеялись, проталкивали на приемы по блату своих знакомых и родственников.

- Я вчера в магазине встретил Петра Арсеньевича, - слышал разговор двух врачей за тонкой перегородкой Дмитрий.

- И что из этого? – не впечатлился собеседник.

- То, что знаешь, как главврач всем советует, когда на обеденном перекусе застает. Мол, вот едите колбасу, а в ней один яд, мяса нет, все украли – одни заменители, надо на рынке продукты покупать, русское, непременно свежее! Я думал и сам на рынке закупается, а он все в торговом центре покупает!!

- Ха-ха-ха! – теперь понял смысл первой фразы один из врачей.

В кабинет зашла Алла Васильевна: «Убирайте ножки! Я сейчас быстренько здесь помою!». Сегодня она щеголяла в обворожительном и соблазнительном, как ей казалось, полупрозрачном одеянии. Вместительный алый бюстгальтер красовался на огромной груди под белой кофточкой-сеточкой.

Короткая черная юбка не скрывала при наклонах уборщицы ее нижнего белья в горошек. На лице присутствовал яркий макияж из густых небесно-васильковых теней до бровей и броско-розовой помады. Алла Васильевна в этом ослепительном наряде старательно размазывала полусгнившей серой тряпкой водяную жижу с грязью по полу длинной шваброй. Помещение заполнил стойкий и едкий запах хлорки.

- Господи, не надо!!!! – от страшного неожиданного крика у Дмитрия выпала на мокрый пол из рук медицинская карта одного из больных.

- Что случилось??!! Как вы себя чувствуете?? Что происходит?! Почему крики?? Кто-нибудь, вызовите милицию!!! Куда он побежал?? – тут же послышались из коридора озадаченные возгласы, хлопанье дверей, шум торопливых шагов докторов и их пациентов.

Выбежали все и из кабинета рентгенографии. Картина, представшая перед ними, шокировала. Стены коридора были забрызганы кровью. На стареньком затертом многочисленными шагами линолеуме лежали обрывки чьего-то кишечника, клочья длинных женских волос и еще какие-то непознаваемые куски плоти. Кровавые с неустойчивым ритмом зловещие следы тянулись по всему коридору и заворачивали за угол. Все двери кабинетов были открыты нараспашку и из них выглядывали перепуганные настороженные люди. Нарастал шум голосов. Оставались считанные мгновения до неконтролируемой паники.

- Что?? Что случилось??? Скажите, пожалуйста!! – Дмитрий схватил за рукав какую-то повергнутую в ужас пробежавшую мимо юную практикантку.

- Главврачу в стационаре стало плохо! Он ведет себя неадекватно и агрессивно! Нападает на врачей, кусает их! Убил пациентку! отрывал от нее куски! Никто не может с ним справиться!

- Петр Арсеньевич?! – дико удивился молодой доктор.

Она только яростно закивала в ответ, тактично освобождаясь от его захвата, и побежала дальше по коридору в направлении выхода из блока. Дмитрий не знал, как ему поступить: помчаться следом за ней, остаться здесь или пойти по следам – посмотреть, что происходит в соседнем отделении.

- Разве он контактировал с тем бежавшим вчера тяжелым больным? – услышал он негромкую, тонущую в окружающей суматохе реплику одного из коллег.

- Да!! Тот заболевший до резкого ухудшения диагноза лежал в общей палате еще с девятью пациентами из 1-ой категории... Вы думаете, главврач ТОДа заразился этой новой опасной разновидностью туберкулеза?!

- Может, он просто из ума выжил?? Не молод давно. Или ему здесь все осточертело? – выдвинула свою гипотезу стоявшая рядом Алла Васильевна.

- Не говорите ерунды... - бросил Дмитрий и быстро устремился по кровавым следам в прилегающий блок лечебно-профилактического отделения.

Сотрудница Алла Васильевна засемила за ним. Снова слышались испуганные вскрики, стук падающей мебели и топот торопливых шагов. Но до поворота хода он дойти не успел. В стену напротив впечатался человек в перепачканном раствором бриллиантовым зеленым и кровью халате. Кто-то с немыслимой силой отбросил его прочь на несколько метров. Дмитрий резко остановился, боясь заглянуть за угол и увидеть источник такой силы. Это и не понадобилось. С глухим дребезжащим хрипом главврач Петр Арсеньевич медленно выполз из-за угла и направился к своей свежей лежащей и не подающей признаков жизни жертве. На Дмитрия и его спутницу он не обратил ни малейшего внимания. Люди стоявшие сзади возле врачебных кабинетов с истошными воплями в панике и истерике толкаясь и сбивая друг друга с ног, бросились прочь.

Страничка автора <http://www.newday-vrn.narod.ru/index.html>

**Строительство дома своими руками
<http://www.stroimdom-vrn.ru/>**

Форум для девушек <http://www.top-girl.xclan.ru>